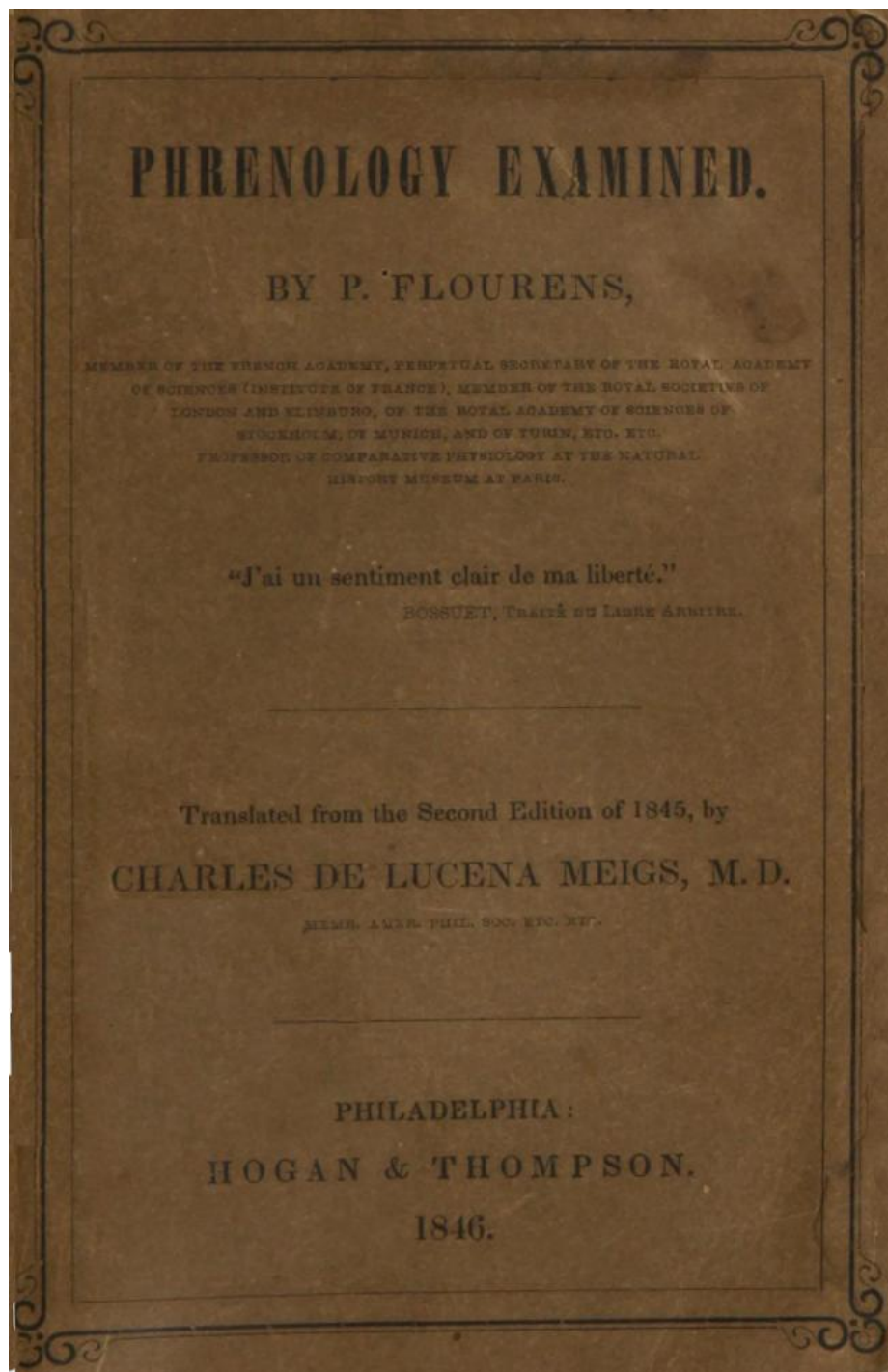

Исследование френологии

П. Флуранс

Изученный проект "Электронная книга Гутенберга" Исследование френологии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Исследование френологии

Автор: П. Флоуренс

Переводчик: Чарльз Д. Мейгс

Дата выхода: 9 апреля 2021 г. [Электронная книга № 65041]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Команда онлайн-распространяемой корректуры по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА По ИЗУЧЕНИЮ ФРЕНОЛОГИИ" ***

Исследование френологии

П. ФЛУРАНС,

ЧЛЕН ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ, БЕССМЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ КОРОЛЕВСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНСТИТУТА ФРАНЦИИ), ЧЛЕН КОРОЛЕВСКИХ ОБЩЕСТВ ЛОНДОНА И ЭДИНБУРГА, КОРОЛЕВСКИХ АКАДЕМИЙ НАУК СТОКГОЛЬМА, МЮНХЕНА И ТУРИНА И Т.Д. И Т.П. ПРОФЕССОР СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФИЗИОЛОГИИ В МУЗЕЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ПАРИЖЕ.

“J’ai un sentiment clair de ma liberté.”

BOSSUET, Traité du Libre Arbitre.

Переведен со Второго издания 1845 года

ЧАРЛЬЗОМ ДЕ ЛУСЕНОЙ МЕЙГСОМ, доктором медицины,
ЧЛЕНОМ. АМЕР. ФИЛ. СОЦ. И Т.Д. И Т.П.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ:

ХОГАН И ТОМПСОН.

1846.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1845 году Чарльзом Д. МЕЙГСОН, доктором медицины, в канцелярии окружного суда Восточного округа Пенсильвании.

ДОКТОРУ ДЖЕЙМСУ ДЖЕКСОНУ ИЗ БОСТОНА.

Мой дорогой сэр!

Возможно, я взял на себя слишком большую вольность, отправив вам письмо таким публичным образом и умоляя вас принять экземпляр гениальной работы М. Флуранса. У меня есть очень искреннее желание, чтобы вы прочитали "Расследование"; ибо я уверен, что, если вы одобрите его, та прилежная часть наших соотечественников, которая может ознакомиться с ним, согласится с мнением джентльмена, столь справедливо отличающегося, как вы, каждым добрым словом и делом и столь способного судить о благотворной или порочной тенденции в произведениях нашей изобильной прессы.

Поскольку многие из наших соотечественников до сих пор чувствовали, а многие чувствуют и сейчас, желание узнать правду о многогранной природе человеческого разума, я перевел здесь Исследование, чтобы у них была возможность узнать, что думает о доктринах Галла один из лучших и наиболее точных мыслителей Европы.

Профессор Флуранс своими трудами о мозге и нервной системе, курсами лекций в Ботаническом саду, многочисленными работами на различные научные темы, своим положением в институте занял место среди литературных и научных знаменитостей современности. Любезные и элегантные манеры и прекрасный нрав этого выдающегося персонажа совпадают с его признанной образованностью, аккуратностью и рвением снискать к себе общественное уважение и почтение. Поэтому я с большим доверием представляю вам этот экземпляр его критики по френологии, поскольку полагаю, что каждое произведение такого замечательного человека может оказаться приемлемым для вас и для прилежной части наших соотечественников в целом.

Я призываю вас одобрить то, что я не могу не считать виртуозной критикой доктрин Галла. Я так высоко оценил его, что не могу с готовностью предположить, что возможно оторваться от его прочтения, не убедившись, что Галл полностью ошибался в своих взглядах на человеческий разум; и, конечно, что все краниоскописты, гипнотизеры и прорицатели, которые пошли по его следу или возвысились на основе его мнений, в равной степени ошибаются.

Чтобы иметь справедливый взгляд на человеческую ответственность, необходимо придерживаться самых справедливых представлений о природе человеческого разума. Если френология *является необоснованной гипотезой*, ни один френолог не годится на должность присяжного заседателя, судьи или законодателя: поскольку все человеческие законы — весь общественный договор — и, более того, все божественные законы относительно человеческих склонностей и действий — основаны на некоторой реальной природе души и разума, существует риск того, что явно ошибочные представления о свободе воли, совести, суждениях

и способностях восприятия и т.д. Могут ввести в заблуждение присяжных, судью и подсудимого. законодатель, руководствующийся своим голосованием, своим мнением и своим представлением о правах и неправотах.

Если я прав, разделяя эти опасения относительно влияния ложной метафизики на общественных деятелей, которых я перечислил, есть масса причин радоваться, когда столь значительной ошибке наносится удар, подобный тому сокрушительному удару, который нанесен в этой работе. Есть тысячи молодых и пылких и любознательных, наши соотечественники и соотечественницы, чей ум может быть также введен в заблуждение от истины; но если он будет озорным к судье и присяжным и законодатель, чтобы развлечь ошибочные взгляды на природу понимание, ум, или душа, в равной степени должны быть устаревшей где ошибка посеяли трансляции в земле.

Плевелы, если и не ядовиты сами по себе, служат в лучшем случае для заглушения полезных или красивых растений, которые следует культивировать на полях науки или морали; но вы обнаружите, что г-н Флуранс считает их ядами.

Разве М. Флуранс четко не опроверг френологов? и разве он не оказал при этом полезную и приемлемую услугу?

Я молю вас поверить, что я, с глубочайшей благодарностью и самым искренним почтением,

Ваш обязанный и верный слуга,

ЧАРЛЬЗ Д. МЕЙГС.

Филадельфия, 10 декабря 1845г.

В ПАМЯТЬ О ДЕКАРТЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Будучи свидетелем прогресса френологии, я пришел к составлению следующего трактата.

Каждая последующая эпоха имеет свою собственную философию.

Семнадцатый век оправился от философии Декарта; восемнадцатый оправился от философии Локка и Кондильяка: оправится ли девятнадцатый от философии Галля?

Это действительно важный вопрос.

В этой работе я предлагаю рассмотреть френологию в том виде, в каком она представлена в трудах Галля, Шпурцхайма и Бруссе.

Я хочу быть кратким. Однако в искусстве быть кратким есть один великий секрет: это быть ясным.

Я часто цитирую Декарта: я даже иду дальше, ибо посвящаю свою работу его памяти. Я пишу в противовес плохой философии, в то время как пытаюсь вспомнить здравую.

Содержание.

I.	О Галле.—О его доктрине в целом	17
II.	О желчности.—О способностях	47
III.	О желчности.—Органы	59
IV.	Шпурцхайма	96
Против	.О Бруссе	115
VI.	Психология Бруссе	121
VII.	Физиология Бруссе	125
VIII.	Галла	127
Примечание	Анатомические отношения, которые, по предположению Галла,	131
I.	существуют между органами внешних чувств и органами интеллектуальных способностей	
II.	Различие между инстинктом и пониманием	133
III.	Галл как наблюдатель	137
IV.	Духи животных	139
Против	Преувеличения Бруссе даже во френологии	140
VI.	Сократительная способность Бруссе	142
VII.	Настоящие подвиги Желчи в отношении мозга	143

I. О ГАЛЛЕ. О ЕГО ДОКТРИНЕ В ЦЕЛОМ.

Великий труд, в котором Галл излагает свое учение, хорошо известен.^[1] Этот труд послужит основой для моего исследования. Я рассмотрю последовательно каждый из вопросов, изученных автором, просто внося некоторые незначительные изменения в порядок, в котором они расположены.

Вся доктрина Галля содержится в двух фундаментальных положениях, первое из которых заключается в том, что понимание присуще исключительно мозгу, а второе - в том, что каждая конкретная способность понимания обеспечена в мозге собственным органом.

Итак, из этих двух утверждений определенно нет ничего нового в первом и, возможно, ничего истинного во втором.

Давайте начнем наше исследование с первого предложения.

Я говорю, что в первом утверждении, а именно, что мозг является исключительным местом понимания, нет ничего нового. Сам Галл признает, что это так.

“Долгое время, - говорит он, - и философы, и физиологи, а также врачи утверждали, что мозг является органом души”.^[2] Мнение о том, что мозг (в целом или такие-то части мозга, рассматриваемые отдельно) являетсяместищем души, на самом деле так же старо, как само обучение. Декарт поместил душу в *шишковидную железу*, Уиллис - в *полосатое тело*, Лапейрони - в *мозолистое тело* и т.д. и т.п.

Что касается более поздних авторитетных источников, Галл цитирует Шаммерринга, который именно это и говорит: “мозг является исключительным инструментом всех ощущений, всех мыслей и всей воли”,^[3] и т. Д. Он цитирует Галлера, который доказывает (“доказывает” - это то самое выражение, которое использовал сам Галл), что “ощущение возникает не в точке, где объект касается нерва, в точке, где создается впечатление, а в мозге”.^[4] Он мог бы процитировать множество других авторитетов с той же целью.

Разве труды Кабаниса не предшествовали времени Галла? и разве он не сказал: “Чтобы получить точное представление о тех операциях, результатом которых является мысль, мозг следует рассматривать как особый орган, предназначенный для ее производства, точно так же, как желудок и кишечник предназначены для осуществления пищеварения, печень - для выделения желчи” и т. Д.^[5] утверждение настолько экстравагантное, что становится почти смешным, но оно на самом деле является утверждением самого Галля, за исключением некоторого преувеличения в используемых терминах.

Задолго до Галля и Саммерринг, и Кювье в “сравнительной анатомии различных классов животных” исследовали соотношение, существующее между развитием головного мозга и интеллектуальной силой. Следующая замечательная фраза принадлежит перу Кювье: “Соотношение между мозгом и продолговатым мозгом, соотношение, которое у человека больше, чем у всех других животных, является очень хорошим показателем совершенства интеллекта этого существа, потому что это лучший показатель превосходства органов отражения над органами внешних чувств”.^[6] И эта другая, еще более примечательная фраза: “У животных интеллект, по-видимому, выше пропорционально увеличению объема полушарий”.^[7]

Галл, в частности, возражает против утверждения Биша, который отмечает, что “влияние страстей неизменно оказывается на органическую жизнь, а не на животную; все признаки, которые их характеризуют, относятся к первой, а не ко второй. Жесты, которые являются немymi выразителями чувств и понимания, служат замечательным доказательством этой истины. Когда мы хотим обозначить что-либо, относящееся к памяти, воображению, нашему

восприятию, суждению и т. Д. Рука непроизвольно движется к голове: если мы хотим выразить любовь, радость, горе, ненависть, она направлена в область сердца, желудка или кишечника”.[8]

Несомненно, в приведенных выше словах Биша можно было бы многое подвергнуть критике; тем не менее, сказать, что страсти оказывают свое влияние на органическую жизнь, - это не то же самое, что сказать, что они пребывают там или существуют. Биша уже отмечал, что “Каждый вид ощущения имеет свой центр в мозгу, поскольку ощущение всегда предполагает как впечатление, так и восприятие”.[9] Более того, относительно этого различия (которое до сих пор не было проведено с достаточной ясностью) между частями, которые являются очагами страстей, и частями, которые подвержены их действию, Галль мог бы найти у Декарта следующее замечание, которое не менее разумно, чем острое.

“Хотя, - говорит он в письме к Леруа, - духи, приводящие в движение мышцы, исходят из мозга, мы должны, тем не менее, определить в качестве местопребывания страстей те места, которые они затрагивают в наибольшей степени; следовательно, я говорю, что главным местом действия страстей, поскольку они относятся к телу, является сердце, потому что именно сердце наиболее чувствительно подвержено их воздействию; но их место находится в мозгу, поскольку они затрагивают душу, ибо душа не может страдать непосредственно, иначе как через мозг”.[10]

Поскольку я цитирую Декарта, кто, я спрашиваю, яснее Декарта понял, что душа может занимать лишь очень ограниченное место в экономике, и что этим ограниченным местом является сам мозг?

“Мы знаем, - говорит он, - что, собственно говоря, душа чувствует не потому, что она находится в членах, которые служат органами внешних чувств, а потому, что она находится в мозгу, где она проявляет способность, называемую здравым смыслом”.[11]

Он в другом месте замечает: “Выражается удивление, потому что я не признаю никакой другой точки ощущения, кроме той, которая существует в мозге; но все врачи и хирурги, я надеюсь, помогут мне доказать эту точку зрения, поскольку им известен общеизвестный факт, что человек, которому ампутировали конечность, продолжает чувствовать боль в той части, которой у него больше нет”.[12]

Итак, согласно Декарту, мы обнаруживаем, что душа находится, то есть *чувствует* в мозгу, и только в мозгу. Следующий отрывок показывает, с какой точностью он исключил даже внешние чувства из какого-либо участия в функциях души.

“Я показал, - говорит он, - что размер, расстояние и форма воспринимаются только разумом; и это путем выведения их одного из другого”.[13]

“Я не могу согласиться с утверждением, что эта ошибка (ошибка, вызванная изогнутым внешним видом палки, частично погруженной в воду) исправляется не разумом, а осязанием; ибо, хотя рассматриваемое чувство заставляет нас судить о том, что палка прямая, все же это не может исправить ошибку зрения; но, кроме того, требуется, чтобы разум научил нас доверять в этом случае скорее нашему суждению после осязания, чем суждению, к которому мы приходим после использования наших глаз; но эта причина не может быть отнесена к чувству, а только к пониманию; и в этом самомнапример, именно понимание исправляет ошибку смысла”.[14]

Таким образом, мозг является исключительнымместилищем души; и все ощущения, даже те операции, которые кажутся зависящими от простого внешнего чувства, являются функцией души.

Галл возвращается к Кондильяку, который, гораздо менее строгий в этом вопросе, чем Декарт, говорит, что “все наши способности проистекают из чувств”.^[15] Но когда Кондильяк говорит так, он, очевидно, говорит многоточием, поскольку он немедленно добавляет эти слова: “Чувства являются лишь случайными причинами. Они не чувствуют; только душа чувствует через посредство органов”.^[16]

Теперь, если только душа чувствует, *тем более fortiori*, то только душа *помнит, судит, воображает* и т. Д. *Память, суждение, воображение* и т. Д., Одним словом, все наши способности, следовательно, принадлежат душе и, следовательно, исходят от души, а не от чувств.

Нет философа, который преувеличивал бы влияние чувств на интеллект больше, чем Гельвеций. Но Гельвеций говорит: “Каким бы образом мы ни подвергали сомнению опыт, он всегда отвечает, что любое большее или меньшее превосходство разума не зависит от какого-либо большего или меньшего совершенства чувств”.^[17]

Но я оставляю Гельвеция и Кондильяка и возвращаюсь к Декарту, Уиллису, Лапейрони, Галлеру, Саммеррингу, Кювье и проч. Все они понимали и все утверждали, что мозг являетсяместилищем души, и что это так, за исключением чувств. Следовательно, утверждение о том, что мозг является исключительнымместилищем души, не является новым утверждением и, следовательно, исходит не от Желчи. Это принадлежало науке еще до того, как появилось в его Доктрине. Заслуга Галла, и это отнюдь не ничтожная заслуга, состоит в том, что он лучше, чем кто-либо из его предшественников, понял всю важность этого принципа и посвятил себя его демонстрации. Оно существовало в науке еще до появления Галла — можно сказать, что оно царит там с момента его появления. Взяв каждое конкретное чувство, он исключил их все, одно за другим, из всякого непосредственного участия в функциях понимания.^[18] Они далеки от того, чтобы развиваться в прямом соотношении с интеллектом, большинство из них развиты в обратном соотношении. Вкус и обоняние более развиты у четвероногих, чем у человека. Зрение и слух в большей степени развиты у птицы, чем у четвероногого. Только мозг во всех классах развит в соотношении с пониманием. Потеря чувства не приводит к потере интеллекта. Понимание переживает потерю зрения и слуха. Это может пережить потерю всех чувств. Прервать связь между чувством и мозгом достаточно, чтобы обеспечить потерю чувства. Простое сжатие мозга, которое уничтожает интеллект, уничтожает все чувства. Следовательно, органы чувств далеки от того, чтобы быть органами разума, они даже не являются органами чувств, они даже не выполняют свои функции как органы чувств, кроме как через посредство разума, и этот разум находится только в мозге.

Следовательно, только мозг является органом души; является ли это целым мозгом — мозгом, взятым *в совокупности*? Галл думал так, и Шпурцхайм последовал мнению Галла; и все френологи, пришедшие после них, следовали примерам Галла и Шпурцхайма.

Но, в конце концов, это ничего не значит. Если мы лишим животное мозжечка, оно потеряет только свои двигательные функции. Если мы лишим его четырехгранного бугорка, он потеряет только зрение; если мы разрушим его продолговатый мозг, он лишится дыхательных движений

и, как следствие, этого, своей жизни.[19] Следовательно, ни одна из этих частей, то есть мозжечок, четырехгранный бугорок и продолговатый мозг, не является органом понимания.

Мозг, правильно так называемый, есть мозг, и только он. Если мы удалим у животного так называемый мозг, или полушария, оно немедленно потеряет свое понимание, и не потеряет ничего, кроме своего понимания.[20]

Головной мозг в целом, *encephalon*, таким образом, является множественным органом; и этот множественный орган состоит из четырех отдельных органов: мозжечка, вместилища принципа, регулирующего передвижение; четырехгранного бугорка, вместилища принципа, регулирующего зрение; продолговатого мозга, в котором находится принцип, определяющий дыхательные движения; и собственно мозга, вместилища и исключительного вместилища интеллекта.[21]

Следовательно, когда френологи беспорядочно помещают интеллектуальные и моральные способности в мозг, рассматриваемые в совокупности, они обманывают самих себя. Ни мозжечок, ни четырехгранные бугорки, ни продолговатый мозг не могут рассматриваться как вместилища этих способностей. Все эти способности сосредоточены исключительно в так называемом мозге, или полушариях.

Вопрос о точном местонахождении разума претерпел большие изменения со времен Галла. Галл полагал, что интеллект безразлично расположен во всем головном мозге, но было доказано, что он находится только в полушариях.

Далее, в соотношении интеллекта существа развит не головной мозг, взятый в целом, а полушария. Маммиферы - животные, наиболее высоко наделенные интеллектом; у них, при прочих равных условиях, самые объемные полушария. Птицы - животные, в наибольшей степени наделенные двигательной способностью; их мозжечок, при прочих равных условиях, самый большой. Рептилии - самые вялые и апатичные животные; у них самый маленький мозг и т.д.

Таким образом, все сходится к доказательству того, что головной мозг в своей массе представляет собой множественный орган с множеством функций, состоящий из различных частей, из которых одни предназначены для обслуживания локомотивных движений, другие - дыхательных и т.д., В то время как одна единственная, собственно мозг, предназначена для целей интеллекта.

Учитывая это, очевидно, что весь мозг не может быть разделен, как его разделяют френологи, на ряд мелких органов, каждый из которых является вместилищем отдельной интеллектуальной способности; ибо весь мозг не служит целям того, что называется интеллектом. Только полушария являются средоточием интеллектуальной силы; и, следовательно, вопрос о том, может ли орган, средоточие интеллекта, быть разделен на несколько отдельных органов, относится исключительно к использованию и возможностям полушарий.

Галл утверждает, и это второе фундаментальное положение его доктрины, что мозг разделен на несколько органов, каждый из которых отвечает за определенную способность души. Под словом *мозгон* понималась *мозг*, и таким образом обманул себя. Давайте ограничим применение его утверждения только к полушариям, и мы увидим, что он снова обманул себя.

Моими последними экспериментами было показано, что мы можем отрезать либо спереди, либо сзади, либо над, либо сбоку очень значительный кусок полушария мозга, не разрушая интеллект. Следовательно, оказывается, что для целей интеллекта у животного может быть достаточно довольно ограниченной части полушарий.[22]

С другой стороны, по мере того, как продолжаются эти сокращения путем отсечения полушарий, интеллект ослабевает и постепенно уменьшается; и, перейдя определенные границы, он полностью угасает. Отсюда следует, что полушария головного мозга всей своей массой участвуют в полном осуществлении интеллекта.[23]

Короче говоря, как только теряется одно ощущение, теряются все ощущения; когда исчезает одна способность, исчезают все способности. Следовательно, не существует различных мест ни для различных способностей, ни для различных ощущений. Способность чувствовать, судить, желать чего-либо находится в том же месте, что и способность чувствовать, судить или желать чего-либо другого, и, следовательно, эта способность, по существу единое целое, находится по существу в одном органе.[24]

Следовательно, понимание - это единое целое.

Согласно Галлу, существует столько же особых видов интеллекта, сколько различных способностей ума. Согласно ему, каждая способность обладает своим восприятием, своей памятью, своим суждением, волей и т. Д., То есть всеми атрибутами понимания, так называемыми в собственном смысле.[25]

“Все интеллектуальные способности, - говорит он, - наделены способностью восприятия, вниманием, памятью, суждением и воображением”.[26]

Таким образом, каждая способность воспринимает, запоминает, судит, воображает, сравнивает, творит; но это мелочи — по *соображениям* каждой способности. “Всякий раз, - говорит Галл, - когда какая-либо способность сравнивает и судит об отношениях аналогичных или различных идей, происходит акт сравнения, происходит акт суждения: последовательность сравнений и суждений составляет рассуждение” и т. Д.[27]

Следовательно, каждая способность сама по себе является пониманием, и Галл прямо говорит об этом. “Существует, — говорит он, - столько различных видов интеллекта или понимания, сколько существует различных способностей”.[28] “Каждая отдельная способность, - говорит он далее, - это интеллект или понимание - каждый *индивидуальный интеллект* (слова точны) имеет свой соответствующий орган”.[29]

Но, допуская все эти *виды интеллекта*, все эти *индивидуальные понимания*, где же нам искать Общий Интеллект, понимание, правильно так называемое? Это должно быть, как вам угодно, либо *атрибутом* каждой способности,[30], либо *коллективным выражением* всех способностей, или даже простым *результатом* их общего и одновременного действия;[31] одним словом, это не может быть та положительная и единственная способность, которую мы понимаем, постигаем и ощущаем в себе, когда произносим слово *душа* или *понимание*.

Теперь вот итог и суть психологии Галла. Понимание, по сути, единичная способность, он заменяет множеством маленьких пониманий или способностей, отчетливых и изолированных. И поскольку эти способности, которые действуют именно так, как он желает, — которые он умножает в соответствии со своим удовольствием, -[32] кажутся в его глазах объясняющими определенные явления, которые плохо объясняются в свете обычной философии, он торжествует!

Он не понимает, что объяснение, состоящее всего лишь из слов, приспосабливается ко всему. Во времена Мальбранша все объяснялось *животным духом*; Бартес объяснял все своим *жизненным принципом* т. Д.

“Это, - говорит Галл, - объясняет, как один и тот же человек может обладать готовым и уверенным суждением относительно определенных объектов, в то время как в отношении некоторых других оно глупо; как у него может быть самое живое и плодотворное воображение в отношении одних предметов, в то время как в отношении других оно холодно и бесплодно”. [33]

“Наделите, - говорит он далее, - животных определенными фундаментальными способностями, и вы получите собаку, которая с *страстью* идет на охоту; ласку, которая с *яростью* душит домашнюю птицу; соловья, который с *пылом* поет рядом со своей подругой”, [34] и т.д.

В этом нет сомнений. Но что это за философия, которая пытается объяснить факт с помощью слова? Вы наблюдаете такую-то склонность у животного, такой-то вкус или талант у человека; *вуаля*, для каждой из этих особенностей вырабатывается особая способность, и вы полагаете, что все дело улажено. Вы обманываете себя; ваши *способности* — это всего лишь *слово*, это название факта, а все трудности остаются там же, где и были раньше.

Кроме того, вы говорите только о фактах, которые, по вашему мнению, сами способны объяснить; вы ничего не говорите о тех, которые ваша система делает совершенно необъяснимыми. Вы не говорите ни единого слова о единстве понимания, о единстве *меня*, или вы отрицаете это. Но единство понимания, единство *меня* - это факт сознательного чувства, а сознательное чувство более могущественное, чем все философии вместе взятые.

Галл всегда говорит о наблюдательности, и он действительно был полон изобретательности как наблюдатель. Но для того, чтобы следовать наблюдению, оно должно быть прослежено до самого конца, и мы должны принять все, что оно дает нашему исследованию; и наблюдение везде дает и показывает везде, и прежде всего, единство понимания, единство *меня*.

Философия Галля состоит только в том, чтобы преобразовать в особое понимание каждый отдельный *модус* [35] так называемого понимания.

Декарт уже говорил: “В нас столько способностей, сколько истин, которые нужно познать.... Но я не думаю, что из этого способа мышления можно извлечь какое-либо полезное применение; и мне кажется, что он, скорее всего, принесет вред, давая невежественному человеку повод вообразить равное количество маленьких сущностей в душе”. [36]

Вполне можно предположить, что Галл, который в слове "понимание" видит не что иное, как абстрактное слово, выражающее совокупность наших интеллектуальных способностей, также в слове "*воля*" усмотрел бы не что иное, как абстрактное слово, выражающее совокупность наших моральных способностей.

Он дал определение *разума*: “Результат одновременного действия всех интеллектуальных способностей”.^[37] Точно так же он определил *волю* как “результат одновременного действия высших интеллектуальных способностей”.^[38] Но Галл всегда обманывает себя; ибо разум и воля — это не *результаты* - это *силы* первичные мыслительные способности.

Галл столь же необычным образом определяет *моральную свободу* или *свободную волю*.

“Моральная свобода, - говорит он, - это не что иное, как способность *определяться* и определять в соответствии с мотивом”.^[39] Это не так: свобода - это именно способность определять вопреки всем мотивам. Локк хорошо определил свободу как *власть*: быть решительным — значит позволять определять себя, то есть *подчиняться*.

Галл снова говорит: “Неограниченная свобода предполагает не только то, что человек управляет собой независимо от всякого закона, но и то, что он является творцом своей собственной природы”.^[40] Вовсе нет; это предполагает, что у него может быть выбор — и фактически он выбирает.

Наконец, Галл говорит: “Такое явление, как абсолютная свобода, было бы явлением, происходящим без какой бы то ни было причины”.^[41] Почему без причины? Причина в силе выбора — и эта сила является фактом.

Вся доктрина Галла - это один ряд ошибок, которые накапливаются друг на друга. Он решает, что часть мозга, в которой находится понимание, должна быть разделена на множество маленьких органов, отличных друг от друга; физиологическая ошибка. Он осуждает единство понимания и рассматривает волю и разум как простые результаты — психологические ошибки. В свободной воле он усматривает лишь принудительное определение,^[42] и, следовательно, простой результат — это моральная ошибка.

Свобода человека - это позитивная способность, а не простой пассивный результат преобладания одного *мотива* над другим *мотивом*, одного *органа* над другим *органом*.^[43]

Разум, воля, свобода, следовательно, не являются, как в доктрине Галля, *положительными способностями, активными силами*; или, скорее, они являются самим пониманием. Разум, воля, свобода на самом деле являются пониманием как *постигающие, желающие, выбирающие* или *обдумывающие*.^[44]

Сознание, которое ощущает себя единым целым, ощущает себя свободным. И вы заметите, что эти два великих факта, выдаваемых внутренним чувством, сознанием, а именно единством понимания и позитивной силой свободной воли, являются именно двумя первыми фактами, отрицаемыми философией Галля.

И обратите внимание далее, что если в нас и есть что-то, принадлежащее *сознанию*, то это, очевидно, по преимуществу чувство нашего личного единства; или, более того, сознание нашей моральной свободы.

Человек является моральной силой только постольку, поскольку он является свободной силой. Любая философия, которая покушается на свободу человека, покушается, сама того не зная, на саму мораль. Таким образом, человек свободен, а поскольку он является моральным деятелем лишь в той мере, в какой он свободен, то, по-видимому, его свобода является единственным атрибутом его души, с которого Провидение намерено убрать все границы.

“Что здесь очень примечательно, - говорит Декарт, - так это то, что из всего, что есть во мне, нет ничего столь совершенного или столь великого, что, я знаю, могло бы быть еще больше и совершеннее. Так, например, если я рассматриваю свою способность к постижению, я нахожу ее очень малой и очень ограниченной. Если таким же образом я исследую память, воображение или любую другую из своих способностей, я не найду ни одной, которая не была бы очень ограниченной и очень маленькой. Во мне есть только моя воля или моя свобода свободной воли, которую я ощущаю настолько великой, что не представляю себе другой, более полной и в большем объеме”.[\[45\]](#)

II. О ЖЕЛЧНОСТИ. О СПОСОБНОСТЯХ.

Философия Галля целиком состоит в замене *единства множественностью*. Вместо одного общего и единственного мозга,[\[46\]](#) он заменяет несколько маленьких мозгов: вместо одного общего единственного понимания он заменяет несколько индивидуальных пониманий.[\[47\]](#) Это мнимое *индивидуальное понимание* и есть *способности*.

Итак, Галл допускает существование двадцати семи таких способностей, каждая из которых (поскольку каждая представляет собой особое понимание) наделена своей способностью восприятия, своей памятью, своим суждением, своим воображением; и с.[\[48\]](#)

Следовательно, существует двадцать семь способностей восприятия, двадцать семь воспоминаний, двадцать семь суждений, двадцать семь представлений и т. Д.

Ибо, если мы хотим следовать Галлу, каждый атрибут не менее различен, чем каждая способность. Память, суждение, воображение и т. Д., Присущие одной способности, не являются памятью, суждением или воображением другой способности.

“Чувство чисел, - говорит он, - обладает суждением об отношениях чисел; чувство искусства - суждением о произведениях искусства; но там, где отсутствует фундаментальная способность, суждение относительно объектов этой способности необходимо также должно отсутствовать”.[\[49\]](#)

Далее он говорит: “Для человека невозможно обладать воображением и суждением о каком-либо объекте с фундаментальной способностью, которой он не был одарен от природы”.^[50]

Таким образом, вне всякого сомнения, существует двадцать семь способностей; а поскольку способностей двадцать семь, то должно быть двадцать семь воспоминаний, суждений, воображения и т. Д.

Одним словом, не существует такой вещи, как общее понимание; но есть двадцать семь особых пониманий, с тремя или четырьмя по двадцать семь различными атрибутами каждого. Такова вся психология Галла.

Продолжаю. Двадцать семь способностей Галла: инстинкт размножения, любовь к потомству, самозащита, инстинкт плотоядности, чувство собственности, дружба, хитрость, гордость, тщеславие, осмотрительность, память на вещи, память на слова, чувство местности, чувство людей, чувство языка, соотношение цветов, соотношение звуков, соотношение чисел, механика, сравнительная проницательность, метафизический гений, сарказм, поэтический талант, благожелательность, подражание, религиозность, твердость.

Галл говорит, что эти способности врожденные,^[51] и это утверждение, конечно, не будет оспорено.

Локк, который так энергично выступал против доктрины врожденных идей, никогда не осуждал *врожденность* наших способностей. Он всегда считал их естественными, то есть *врожденными*.^[52]

Сам Кондильяк, обвиняющий Локка в том, что он рассматривал способности души как *врожденные*, выдвигая эти обвинения, смешивает *способности души* с *операциями души*.^[53]

Итак, то, что совершенно верно в отношении *деятельности души*, никоим образом не является таковым в отношении *ее способностей*. Все способности души являются врожденными и современными, поскольку они являются не чем иным, как *модусами души*; более того, они и есть сама душа, рассматриваемая в различных аспектах. Но действия души следуют друг за другом и порождают друг друга. Не может быть памяти без предыдущего восприятия; не может быть суждения без воспоминания. Для того чтобы могла быть воля, должно было быть судебное решение и т. Д.

Сказав, что способности врожденные, Галл говорит также, что они *независимы*.^[54]

И если под словом *независимый* он подразумевает отдельный, то нет ничего менее спорного. Но если под этим словом "*независимый*" он понимал (как он действительно понимает), что каждая способность является реальным пониманием, вопрос меняется и начинаются трудности.

Ибо, если каждая индивидуальная способность является надлежащим пониманием, то из этого следует, что пониманий столько, сколько способностей, и понимание перестает быть *одним*, и я больше не *один*. Я прекрасно понимаю, что именно это имеет в виду Галл; он говорит это и повторяет на протяжении всей своей работы. Он говорит это, но не доказывает. И как он должен это доказать? Можем ли мы что-либо доказать против нашего сознания?

“Прежде всего, я замечу здесь, ” говорит Декарт, “ что существует огромная разница между разумом и телом, заключающаяся в том, что тело по своей природе всегда делимо, а разум полностью неделим. Ибо, на самом деле, когда я созерцаю это — то есть когда я созерцаю себя самого — и рассматриваю себя как мыслящую вещь, я не могу обнаружить в себе никаких частей, но я ясно знаю и постигаю, что я есть вещь абсолютно единая и совершенная”.[\[55\]](#)

Галл переворачивает общепринятую философию, и стоит отметить, что вся его философия, которую он считает такой новой,[\[56\]](#) есть, по сути, не что иное, как само это переворачивание. Согласно общепринятой философии, существует одно общее понимание — единица; и существуют способности, которые являются всего лишь формами этого понимания. Галл утверждает, что существует столько видов особого интеллекта, сколько существует способностей, и что понимание в целом есть не что иное, как способ или атрибут каждой способности. Он прямо говорит об этом.

Его слова таковы: “Интеллектуальная способность и все ее подразделения, такие как восприятие, воспоминание, рассудительность и воображение, не являются фундаментальными способностями, а всего лишь их общими атрибутами”.[\[57\]](#)

Галл сначала переворачивает общепринятую философию, а затем утверждает существование всех последствий этой общепринятой философии.

Он подавляет *меня*, но настаивает на том, что душа есть. Он отменяет свободу воли и все же утверждает, что существует такая вещь, как мораль. Он делает из идеи Бога идею, которая является просто относительной и условной, но все же утверждает, что может существовать такая вещь, как религия.

Я говорю, что он упраздняет *меня*; ибо я - это душа. Душа - это понимание, всеобщее и единое; но если нет понимания как общего, не может быть и души.

Согласно Галлу, нет ничего реального и позитивного, кроме *способностей*.

И только этими способностями обладают органы. “Никто из моих предшественников, - говорит он, - ничего не знал о тех силах, которые единственно являются функциями особых мозговых органов”.[\[58\]](#)

Согласно противоположному рассуждению, ни воля, ни разум, ни рассудок не обладают никакими органами, ибо они не что иное, как силы; они не что иное, как существительные, собирательные слова.

“Этих наблюдений может быть достаточно, - говорит Галл, - чтобы убедить читателя в том, что не может существовать никакого особого органа воли, или свободной воли”.[\[59\]](#) Он добавляет: “Столь же невозможно, чтобы существовал какой-либо особый орган разума”.[\[60\]](#)

Наконец, он говорит: “Из всего, что я сейчас сказал, следует, что идея органа интеллекта или рассудка столь же неприемлема, как и идея органа инстинкта”.[\[61\]](#)

Следовательно, не может быть ничего, кроме способностей; и, согласно Галлу, эти способности настолько различны, что каждой конкретной он приписывает отдельный орган.[62] Он делит понимание на маленькие понимания.

Декарт выразил себя следующими словами: “Мы не представляем себе никакого тела иначе, как делимым; тогда как человеческий разум не может представить себя иначе, как неделимым; ибо на самом деле мы неспособны представить себе половину души”.[63] Галл, однако, решает этот вопрос. Он создает половину души. Он сокращает или добавляет столько способностей, сколько соответствует его плану. Эти способности разделены материальными рамками. Он заходит так далеко, что говорит, что та или иная способность действует с большей или меньшей легкостью на ту или иную другую способность, в зависимости от того, насколько одна из них расположена ближе или дальше от другой.

“Поскольку орган искусства, - говорит он, - расположен далеко от органа чувства цвета, это обстоятельство объясняет, почему исторические художники редко были колористами”.[64]

Таким образом, мы обнаруживаем, что только способности обладают *силами*. Только эти силы наделены органами; и эти органы, с помощью которых они отделены друг от друга, разделяют их на расстояния, достаточно большие, чтобы в определенных случаях помешать одной данной способности оказывать какое-либо влияние на другую. Следовательно, нет такой вещи, как единство; нет единой способности, нет единого понимания; нет *меня*; а если нет *меня*, не может быть и души.

Таким же образом он отменяет *свободу воли*. Воля, свобода, разум, по его мнению,[65] - это не что иное, как *результаты*, как я уже говорил.

“Для того, — говорит он, - чтобы человек не ограничивался только способностью желать, - для того, чтобы он мог действительно хотеть, — необходимо сочетание нескольких высших способностей. Мотивы должны быть взвешены, сопоставлены и оценены; решение, возникающее в результате этой операции, называется волей”.[66]

“Разум, ” добавляет он далее, “ предполагает согласованное действие высших способностей. Это суждение, вынесенное высшими интеллектуальными способностями”.[67]

Следовательно, воля есть не что иное, как *решение*; разум есть не что иное, как *суждение*. Факультеты *выступают вместе*. Какая странная философия, которая всегда заменяет факты сознательного чувства фикциями языка и которая довольствуется этими фикциями!

Свобода воли - это либо сила, либо ничто. Он решает, что это всего лишь *результат*. Следовательно, желчь отменяет свободу воли.

Действительно, он делает из идеи Бога не что иное, как относительную и условную идею, поскольку он предполагает, что эта идея исходит от определенного органа; и он предполагает, что этот орган, возможно, в каком-то случае отсутствует.

“Не подлежит сомнению, - говорит Галл, - что человеческая раса наделена органом, посредством которого она признает Автора вселенной и восхищается им”.[68]

“Бог существует, - добавляет он, - ибо есть орган, позволяющий познавать его и поклоняться ему”.[69]

Но он продолжает: “Климат и другие обстоятельства могут препятствовать развитию мозговой части, посредством которой Творец задумал открыться своему созданию - человеку”.[70]

Еще раз: “Если бы существовал народ, организация которого была бы совершенно неполноценной в этом отношении, они были бы так же мало восприимчивы, как любые другие виды животных, к религиозной идее или чувству”.[71]

Далее: “Нет Бога для существ, организация которых не несет изначальной печати определенных способностей”.[72]

Что? Если у меня случайно нет маленького особенного органа (может быть, его не хватает), могу ли я не чувствовать, что Бог существует! И как я могу быть разумом, зная себя, и все же не зная, что Бог есть? Я не ощущаю себя сильнее, чем Бога. “Эта идея” (идея Бога), - говорит Декарт, - “рождается и производится вместе со мной, точно так же, как и идея меня самого”.[73]

Мое понимание, которое воспринимает себя как следствие, обязательно воспринимает разумную Причину, которая его произвела. “Совершенно очевидно, - снова говорит Декарт, - что в причине должно быть по меньшей мере столько же реальности, сколько и в производимом ею следствии; и поскольку я - мыслящая вещь, что бы ни было на самом деле причиной моего существования, я вынужден признать, что *это также* нечто мыслящее”.[74]

До сих пор я рассматривал философию Галля только с ее умозрительной точки зрения; какой бы она была, если рассматривать ее в практическом отношении?

В один из своих счастливых моментов Дидро написал следующую весьма примечательную фразу: “Крушение свободы ниспровергает всякий порядок и всякое правительство, смешивает порок и добродетель воедино, санкционирует всякий чудовищный позор, уничтожает всякий стыд и всякое раскаяние, а также безвозвратно унижает и деформирует весь человеческий род”.[75]

Френолога ничто не удивляет.

“Давайте представим себе, - говорит Галл, - женщину, в которой любовь к потомству развита лишь слабо... если, к несчастью, орган убийства у нее очень развит, стоит ли удивляться, если ее рука...”[76] и с.

Организация объясняет все.

“Эти последние названные факты показывают нам, - говорит Галл, - что эта отвратительная склонность (склонность к совершению убийства) имеет своим источником порок организации”.[77]

“Пусть те надменные люди, - снова говорит он, - которые заставляют народы погибать тысячами, знают, что они действуют не по своей воле, но что сама Природа наполнила их сердца яростью и разрушительностью”.[78]

Нет, конечно! Это не то, что они должны знать; ибо, благодарение Богу, это неправда. Что они должны знать, что им следует сказать, так это то, что, хотя Провидение оставило человеку способность творить зло, оно также наделило его способностью творить добро. То, что человек должен знать, то, что следует внушить его уму и сердцу, - это то, что он обладает свободной силой, и что эту силу не следует направлять по ложному пути; и что тот, кто по своей природе направляет ее по ложному пути, независимо от того, под какой формой философии он находит прибежище, является существом, унижающим свою природу.

Под названием *фундаментальных способностей* Галл смешивает все вещи вместе — страсти, инстинкты, интеллектуальные способности. Эти способности, лежащие в основе всей его философии, он даже не знает, как их обозначить. Он называет их инстинктами,^[79] склонностями, чувствами, воспоминаниями и т. Д. Существует память или ощущение вещей, память или ощущение людей и т. Д. Он путает инстинкт, который заставляет определенных животных жить в возвышенных областях, с гордостью, которая является моральным чувством в человеке;^[80] плотоядный инстинкт с мужеством;^[81] он верит, что совесть (которая есть душа, судящая саму себя) есть не что иное, как модификация особого чувства, чувства доброжелательности и т.д.^[82]

Колебания его ума видны повсюду.

“Я оставляю читателю, - говорит он, - решать, следует ли называть фундаментальную способность, к которой относится эта склонность, чувством возвышения, самоуважением” и т. Д.^[83]

“Говоря правильно, - продолжает он, - твердость - это не склонность и не способность; это способ существования, который придает человеку отличительное качество, называемое характером”.^[84]

Наконец, он пишет следующий абзац, возможно, самый необычный из всех, которые он когда-либо писал, поскольку он самым ясным образом показывает, как мало он верил в свою собственную психологию.

“Если мы материалисты, потому что не признаем существования единой способности души, но признаем несколько примитивных способностей, мы спрашиваем, выражает ли обычное разделение способностей души на понимание, волю, внимание, память, суждение, воображение и привязанности и страсти не что иное, как примитивную единичную способность? Если утверждать, что все эти способности являются просто модификациями одной и той же способности, что может помешать нам сделать то же самое утверждение относительно способностей, существование которых мы признаем”.^[85]

Будьте уверены, вам ничто не мешает. Или, скорее, все принуждает вас к этому. Следовательно, существует одна-единственная способность, все остальные способности которой являются всего лишь настроениями. Тогда вы возвращаетесь к общей философии, и, следовательно, у вас больше нет особой философии.

Проблема, предложенная Галлом, является одновременно физиологической, психологической и анатомической.

В нашей первой статье был дан отчет о *физиологии* Галла, и было показано, что он в целом опровергается прямым экспериментом. В настоящем была рассмотрена его *психология*, и она опровергнута сознанием (*le sens intime*). Теперь нам остается только изучить его *анатомию*.

III. ОТ ЖЕЛЧИ. ОТ ОРГАНОВ.

Из всех работ Галла об анатомии говорили больше всего, и все же это наименее известная часть.

В 1808 году Галл прочитал первому классу Института мемуары по анатомии мозга; [86] и М. Кювье сделал доклад по этим мемуарам. Но ни в этих мемуарах, ни в отчете мы не находим ни слова о *специальной анатомии*, о *тайной анатомии*, о том, что можно было бы назвать *анатомией Доктрины*; или, другими словами, как это было бы выражено в наши дни, о *френологической анатомии*.

Анатомия мемуаров Галла - не что иное, как самая обычная анатомия. Он настаивает на том, что мозговые нервы, все они без исключения, поднимаются вверх от продолговатого мозга к головному мозгу; что внутреннее вещество образует белое вещество; он делит волокна мозга на *расходящиеся* и *сходящиеся*; он предполагает, что каждый изгиб этого органа, вместо того чтобы быть полной и цельной массой, как обычно думают, представляет собой просто складку [87] нервных или мозговых волокон и т. Д.

Таковы вопросы, обсуждаемые Галлом; и достаточно ясно, что, какую бы сторону мы ни приняли по этим вопросам, его доктрина, несомненно, ничего не выиграет и ничего не потеряет.

Поднимается или опускается тот или иной нерв; образуется ли белое вещество серым; или, что, мягко говоря, не менее вероятно, это бессмыслица; выходит ли то или иное волокно или входит, расходится или сходится и т.д. и т.п. доктрина множественности мозгов, доктрина индивидуального интеллекта, не будет ни более, ни менее истинной, ни более, ни менее сомнительной. [88]

М. Кювье в своем отчете отмечал: “Важно повторить, хотя бы для сведения общественности, что анатомические вопросы, которые мы рассматривали, не имеют непосредственной и необходимой связи с физиологическими доктринами, которым учил М. Галль, относительно функций и относительного объема различных частей мозга; и что все, что мы исследовали относительно структуры мозга, может быть либо истинным, либо ложным, не давая ни малейшего заключения в пользу или против доктрины”. [89]

Необходимо не ошибиться относительно реальной сути вопроса. Доктрина Галла направлена на установление одной и только одной вещи, а именно, *множественности интеллектов* и *множественности мозгов*. [90] Это то, что составляет особую доктрину; то есть отличную от общепринятой доктрины, которая допускает только одно понимание и единый мозг. Все, что

доказывает множественность пониманий и мозгов, принадлежит доктрине Галла; а все, что не стремится доказать множественность пониманий и мозгов, противоречит этой доктрине.

Работы Галла, таким образом, действительно содержат две совершенно разные анатомии: одна - это *общая анатомия*, которая не имеет ничего общего с его доктриной; другая - это *специальная анатомия*, которая, если предположить, что она верна, составила бы основу его доктрины.

Итак, много говорилось об общей анатомии Галла; но что касается его особой анатомии, я не знаю никого, кто говорил бы об этом. Сам Галл говорит об этом как можно меньше. В других вопросах он высказывает свои мнения очень четко и очень позитивно: в данном конкретном случае мы вынуждены о них догадываться.

Когда Галл в своей *психологии* заменяет понимание *способностями*, он определяет эти *способности*. Он определяет их, как мы уже видели, как *индивидуальные разумные существа*. Как же тогда получается, что в своей анатомии, когда он заменяет сам мозг органами мозга, он не определяет эти органы? Как странно! Вся доктрина Галля, вся *френология*, основывается на *органах мозга*; ибо без отдельных мозговых органов не может быть независимых способностей; а без независимых способностей не может быть френологии; и Галль не говорит, и ни один френолог не сказал за него, что такое вещь, называемая *мозговым органом*.

Правда такова: у Галла никогда не было определенного мнения о том, что он называл органами мозга; он никогда не видел этих *органов* и представлял их себе для использования своих *способностей*. Он сделал то, что делали многие другие. Он начал с представления гипотезы, а затем он представил анатомию, соответствующую его гипотезе.

Когда верили в учение о духах животных, мозг состоял из трубок для передачи этих духов.

“Корковое вещество, которое находится в полушариях головного мозга, - говорит Пурпур дю Пети, - составляет всю продолговатую часть, которая представляет собой просто совокупность бесконечного числа трубок”.[\[91\]](#)

“Мелкие артерии кортикальной части головного мозга, - говорит Халлер, - передают спиртосодержащий напиток в продолговатый мозг и нервные трубки”.[\[92\]](#)

Очевидно, что *органы* Желчи существуют не более реально, чем *трубки* Пурфура дю Пти или *трубки* Галлера. Это две структуры, которые были представлены как подходящие для двух гипотез.

В поисках первичной идеи, тайного представления, которое привело Галля к его доктрине о *множественности разумов*, я обнаруживаю это в аналогии, которую он предполагал, между функциями чувств и способностями души.

Он видит функции чувств, составляющие различные функции, и настаивает на том, что способности души должны составлять столь же различные способности; он видит, что каждое конкретное чувство обладает собственным органом, и думает, что каждая способность души должна иметь свойственный ей орган;[\[93\]](#) одним словом, он смотрит на внешнего человека и строит внутреннего человека по образу внешнего человека.

Согласно Галлу, все, что находится между органом чувств и органом способности, между способностью и чувством, сходно. Способность - это чувство. Его слова таковы: *память или смысл вещей, память или смысл людей, память или смысл чисел*. Он говорит о *смысле языка, смысле механики, смысле соотношения цветов* и т. Д.

“Поскольку мы должны признать, - говорит он, - что существует пять различных внешних чувств, поскольку их функции существенно различны... поэтому мы должны согласиться, в конце концов, признать различные способности и различные склонности существенно различными моральными и интеллектуальными силами, а также связанными с органическими аппаратами, которые являются особыми для каждого и независимыми друг от друга”.[\[94\]](#)

“Кто, ” говорит он, - осмелится сказать, что зрение, слух, вкус, обоняние и осязание являются простыми модификациями способностей? Кто бы осмелился черпать их из одного и того же источника, из одного и того же органа? Точно так же двадцать семь качеств и способностей, которые я признаю фундаментальными или первичными силами, ... не могут рассматриваться как простые модификации какой-либо одной способности”.[\[95\]](#)

С одной стороны, Галл придает *способностям* всю независимость от *чувств*; а с другой, он наделяет *чувства* всеми атрибутами *способностей*.

“Вот, - говорит он, - новые причины, по которым я всегда утверждал в своих публичных выступлениях, хотя эти утверждения противоречат идеям, преобладающим среди философов, что каждый орган чувств обладает абсолютно своими собственными функциями; что каждый из этих органов обладает своей особой способностью воспринимать впечатления, своей собственной совестью, своей собственной способностью вспоминать”,[\[96\]](#) и т.д.

Галл не предвидел, что физиологический эксперимент (а он очень верный) однажды продемонстрирует, что чувство воспринимает впечатление, но не воспринимает его, и что, следовательно, оно не наделяется ни *сознанием* ни *вспоминанием* и т.д.

Когда у животного удаляют доли головного мозга или полушария[\[97\]](#), животное немедленно теряет зрение.

И все же в отношении самих глаз ничего не изменилось; объекты продолжают отображаться на сетчатке, радужная оболочка сохраняет свою сократительную способность, а зрительный нерв - свою возбудимость. Сетчатка продолжает воспринимать свет, поскольку радужная оболочка сжимается или расширяется в зависимости от того, более или менее интенсивен попадающий на нее свет.

В строении глаза не произошло никаких изменений, и все же животное не видит! Следовательно, это не глаз, который воспринимает, и не тот глаз, который видит.[\[98\]](#)

Глаз не видит; это понимание видит посредством глаз.[\[99\]](#)

Когда Галль делает вывод от независимости внешних чувств к независимости способностей души, он смешивает в отношении самих чувств две вещи, которые по существу различны, - впечатление и восприятие. Впечатление множественно; восприятие едино.

Когда полушария удаляются, животное мгновенно теряет восприятие; оно больше не видит и не слышит[100] и т. Д. Несмотря на то, что все органы чувств, глаз, ухо и т. Д., Существуют, и впечатления происходят.

Следовательно, принцип, который воспринимает, *един*. Потерянный для одного чувства, он потерян для всех чувств. И если оно *одно* для внешних чувств, то как оно может быть иным, чем *одно* для способностей души?

Следовательно, Галл не может предполагать существования нескольких различных принципов для способностей души иначе, как потому, что он допускает несколько различных принципов для восприятий; а он допускает несколько принципов для восприятий только потому, что смешивает впечатление с восприятием. Вся его психология возникает из ошибки; и вся его анатомия сконструирована ради его психологии.

В психологии он пытается доказать, что способности души - это всего лишь *внутренние чувства*; в анатомии он пытается доказать, что органы способностей души лишь повторяют и воспроизводят органы *внешних чувств*.

Итак, *орган*, то есть, с современной точки зрения, *нерв внешнего чувства*, представляет собой не что иное, как *пучок нервных волокон*. Следовательно, согласно теории, мозг не может быть ничем иным, как совокупностью *пучков волокон*. [101]

Согласно Галлу, происхождение, развитие, структура и способ прекращения, что касается органов способностей души и органов внешних чувств, то все сходно, все имеет общее. И все же примитивная трудность остается нерешенной.

Когда я говорю об *оргane чувств*, я имею в виду очень определенный нервный аппарат. Но верно ли то же самое, когда я говорю "орган мозга"? Что такое орган мозга? Это *пучок* из *волокон*? Это каждое конкретное волокно? Но если это *пучок* из *волокон*, то их слишком мало, потому что их не двадцать семь; а необходимо двадцать семь, потому что существует двадцать семь способностей. Если речь идет о каждом конкретном волокне, тогда их слишком много, и даже чересчур, потому что существует всего двадцать семь способностей. Что нам делать в этой трудной ситуации? Мы должны поступать так, как поступает Галл: иногда говорить, что это пучок волокон; в других случаях, что это каждое волокно в отдельности.

В одном месте он говорит: "Мозг, состоящий из нескольких отделов, функции которых совершенно различны, имеет несколько первичных пучков, которые своим развитием способствуют его образованию. Среди этих пучков мы помещаем переднюю и заднюю пирамиды, пучки, которые отходят непосредственно от оливарных тел, и некоторые другие, которые скрыты внутри продолговатого мозга". [102]

И есть еще несколько других; пусть будет так; но их никогда не может быть двадцать семь.

Он снова говорит: "Более обширное развитие той же гипотезы, возможно, могло бы побудить читателя рассматривать каждую нервную клеточку, будь то в нервах или в самом мозге, как маленький особый орган". [103]

Но и это еще не все. Согласно доктрине Галла, анатомия мозга должна быть связана с краниоскопией. И Галл очень заботится о том, чтобы разместить все свои органы на поверхности мозга.

“Возможность решения рассматриваемой проблемы, - говорит он, - предполагает, что органы души расположены на поверхности мозга”.^[104] В самом деле, если бы они не были расположены на поверхности мозга, как мог бы череп выдержать их впечатление? и что стало бы с краниоскопией?

Краниоскопии бояться нечего. Галл предусмотрел это; все органы мозга расположены на поверхности мозга; и Галл весьма рассудительно добавляет: “Это объясняет связь или соответствие, существующее между краниологией и учением о функциях мозга (церебральной физиологии), единственной целью и завершением моих исследований”.^[105]

Но что касается мнимых *органов мозга*, действительно ли они расположены на поверхности мозга, как утверждает Галл? Проще говоря, является ли поверхность мозга единственной активной частью органа? Вот физиологический эксперимент, который показывает, насколько сильно ошибается Галл.

Вы можете отрезать значительную часть мозга животного спереди, сзади, с одной стороны или сверху, не теряя при этом ни одной из своих способностей.^[106]

Следовательно, животное может потерять все то, что Галл называет поверхностью мозга, не теряя при этом ни одной из своих способностей. Следовательно, не может быть, чтобы органы способностей располагались на *поверхности мозга*.

И сравнительная анатомия не менее противоположна взглядам Галла, чем сам прямой эксперимент. Я не буду следовать за ним здесь в деталях его локализации. Как эти локализации могут иметь какое-либо значение? Он даже не знает, является ли *органлучком волокон* или *волоком*.^[107]

Например; он помещает то, что он называет инстинктом размножения, в мозжечок, а то, что он называет *инстинктом любви к потомству*, в задние доли головного мозга; и он рассматривает эти две локализации как самые верные в своей книге.

“Я бы хотел, ” говорит он, “ чтобы все молодые натуралисты начинали свои исследования с изучения этих двух органов. Их обоих легко узнать”,^[108] и с.

Что?! Мозжечок, столь отличный по своей структуре от большого мозга, должен ли мозжечок, как и мозг,^[109] считаться органом инстинкта? И более того, следует ли рассматривать его как орган только одного инстинкта, в то время как у мозга их должно быть двадцать шесть?

Я уже говорил, что мозжечок - это вместилище принципа, который управляет передвижением^[110] животного, и что он не является вместилищем какого-либо инстинкта.

Галл помещает любовь к потомству в задние доли мозга.^[111] Любовь к потомству, и особенно материнскую любовь, можно найти повсюду среди высших животных; она обнаруживается у всех млекопитающих, у всех птиц.^[112] Следовательно, задние доли мозга должны быть обнаружены у всех этих существ. Вовсе нет: задние доли отсутствуют у большинства млекопитающих; они отсутствуют у всех птиц.

Галл локализует способности, общие как для человека, так и для животных, в задней части мозга; в передней части он помещает те[113], которые присущи только человеку. Согласно этому плану, наиболее *стойкой* частью мозга будет задняя часть, а наименее стойкой - передняя. Но справедливо обратное утверждение. Части, которых чаще всего не хватает, - это *задние части*, а те, которые чаще всего присутствуют, - это *передние части*. [114]

Если от мозга я перейду к рассмотрению черепа, то обнаружится, что все вышесказанное имеет еще большую силу. Как могут локализации, лишенные смысла применительно к мозгу, — как они могут, я говорю, иметь какое-либо значение относительно самого черепа?

Череп, особенно его внешняя поверхность, отражает поверхностную конфигурацию мозга, но очень несовершенно. Галл это знает. “Я был первым,” говорит он, - кто утверждал, что мы не можем с точностью определить развитие определенных круговых движений путем осмотра внешней поверхности черепа. В некоторых случаях внешняя пластинка черепа не параллельна внутренней”. [115] “У определенных видов отсутствуют лобные пазухи; у других клетки между двумя костными пластинками расположены по всему черепу”, [116] и т.д. и т.п.

Черепная коробка представляет извилины мозга только на своей внутренней поверхности; она не представляет их на своей внешней поверхности. А что касается *волокон*, что касается *пучков волокон*, то они даже не представлены на его внутренней поверхности, поскольку волокна покрыты слоем серого вещества, а пучки волокон расположены внутри нервной массы.

Галл осознает все это, и тем не менее он начерчивает свои двадцать семь способностей на черепах. [117] Такая уверенность удивляет. Ничего не известно о внутренней структуре мозга, [118] и все же люди достаточно смелы, чтобы очертить на нем свои очертания, свои круги, свои границы. Признается, что внешняя поверхность черепа не представляет собой поверхность мозга; и все же они начертали на этой поверхности двадцать семь имен, каждое из которых заключено в маленький кружок, каждый маленький кружок соответствует одной конкретной способности! И что еще более странно, есть люди, которые под каждым из этих имен, начертанных Галлом, воображают, что за ними скрывается нечто большее, чем имя!

Те, кто, видя успех доктрины Галла, воображают, что доктрина, следовательно, покоится на каком-то прочном фундаменте, очень мало знают о человечестве. Галл знал человечество лучше. Он изучал их по-своему, но очень внимательно. Давайте послушаем его собственные слова:

“В обществе я использую множество способов, чтобы выявить таланты и склонности людей. Я начинаю разговор на самые разные темы. Как правило, мы допускаем в разговоре все, что мало или вообще не касается наших способностей и склонностей; но когда собеседник затрагивает одну из наших любимых тем, мы сразу же начинаем интересоваться ею.... Хотите ли вы узнать характер человека, не опасаясь быть введенным в заблуждение относительно ваших выводов, даже если он может быть настороже? Заставьте его рассказать о своем детстве и отрочестве; расскажите о его школьных подвигах; о его поведении по отношению к родителям, братьям и сестрам, товарищам по играм и подражателям.... Спросите его о его играх и т. Д. Мало кто считает необходимым лукавить по этим вопросам; они не подозревают, что имеют дело с человеком, который прекрасно знает, что основа характера остается неизменной и что с годами меняются только те объекты, которые нас интересуют.... Кроме того, когда я узнаю, чем человек

восхищается или презирует; когда я вижу, как он действует; когда он писатель, а я просто читаю его книгу и т.д. и т.п. Весь человек предстает передо мной раскрытым”.[119]

Декарт *заперся в печи*, [120] для того, чтобы он мог медитировать. Согласно Галлу, нет никакой необходимости запирается в печи.

Декарт говорит: “Теперь я закрою глаза, я заткну уши, я отключу свои чувства; я даже сотру из своей памяти всякий образ материальных объектов, или, по крайней мере, поскольку это вряд ли возможно сделать, я буду считать их тщетными и фальшивыми; и таким образом, замкнувшись в себе и созерцая то, что находится внутри меня, я буду стараться постепенно все более и более знакомиться со своей собственной истинной природой”. [121]

Согласно Галлу, нет никакого повода для этого абсолютного собирания себя воедино внутри. Все, что нужно, - это смотреть на черепа людей и прикасаться к ним. Доктрина Галля увенчалась успехом так же, как и доктрина Лафатера. Люди всегда будут высматривать внешние признаки, по которым можно обнаружить тайные мысли и скрытые склонности: напрасно тешить их любопытство по этому поводу: после Лафатера пришел Галл; после Галля появится кто-нибудь другой.

Мы вскоре устаем от истинной философии, потому что она истинна; потому что поиск истины, какого бы рода он ни был, требует напряженных и непрерывных усилий. Более того, невозможно всегда придерживаться одной и той же философии: даже одного и того же философа нельзя всегда одобрять. Одобрение должно менять свою цель, особенно во Франции.

Именно для французов Фонтенель написал эти слова: “Одобрение человечества - это своего рода вынужденное состояние, которое ни к чему так не стремится, как к прекращению”. [122]

Декарт уезжает умирать в Швецию, а Галль становится правителем Франции.

IV. ИЗ ШПУРЦХАЙМА.

Шпурцхайм опубликовал две работы; первая из которых озаглавлена “Наблюдения по физиологии, о познании человека морального и интеллектуального, фонд функционирования нервной системы” [123] название второй: “Философские очерки о природе морали и интеллекта человека”; [124] и эти две работы являются всего лишь воспроизведением доктрины Галля. Шпурцхайм переписывает книгу Галля заново — ту же книгу, которую они начали вместе, — и сокращает ее.

Шпурцхайм рассказывает нам, как он услышал Галля и, услышав его, почувствовал влечение участвовать в его трудах и распространять его учение.

“В 1800 году я впервые прослушал курс лекций, который г-н Галль время от времени повторял в Вене в течение четырех лет. Затем он заговорил о необходимости наличия мозга для передачи

проявлений души; и о множественности органов; ... но он еще не приступал к изучению структуры мозга.[125] С самого начала я обнаружил, что меня очень привлекает учение о мозге; и с периода моего первого внимания к этому предмету до настоящего момента я никогда не упустил его из виду как объект изучения. После окончания учебы в 1800 году я присоединился к М. Галлу, чтобы особым образом продолжить анатомическую часть исследований.[126] В 1805 году мы покинули Вену с целью совместного путешествия; с этого времени вплоть до 1813 года мы совместно проводили наши наблюдения” и с.[127]

Фактически, два автора, объединив свои труды, впервые опубликовали в 1808 году свои прекрасные мемуары об анатомии мозга,[128] а впоследствии, в 1810 и 1812 годах, два первых тома великого труда Галла.[129]

В 1813 году они расстались, и это разделение даже оказалось полезным. Галл, когда пишет независимо, движется более свободно. Если бы он продолжал сотрудничать со Шпурцхаймом, он либо не написал бы последнюю главу своего четвертого тома, либо написал бы ее совсем по-другому, и мы не получили бы определенного выражения его доктрины.

Эта глава, озаглавленная “Философия человека”, представляет собой всю философию Галла. Именно в этой главе он говорит, что он понимает под способностями, пониманием, волей и т.д. и т.п. и именно там он определяет способности индивидуального понимания;[130] понимание, простой *атрибут каждой способности*:[131] воля, простой результат одновременного действия высших способностей и т.д.[132]

Шпурцхайм никогда бы не подумал о такой доктрине: он обнаружил, что она уже придумана; он следует ей, но при этом всегда колеблется. Он не представлял себе этого; и, возможно, никогда не смог бы воспользоваться теми возможностями, которыми пользовался Галл, чтобы успешно нести это в мир. Разум Галла был полон решимости. Мы видели его метод изучения людей.[133] В его великом труде преобладает философский тон, ибо доктрина уже была установлена на момент публикации этого труда. Когда доктрина только зарождалась, тон Галла был не таким серьезным, поскольку прежде всего необходимо пробудить общественное любопытство, а философский тон не подходит для этой цели.

Шарль Виллер сохранил некоторые из своих сувениров, рассказывающих о первых впечатлениях, произведенных этим учением.[134] “Если, ” пишет Галл в рассматриваемый период, “ ангел-истребитель подчинялся моим приказам, горе Кестнеру, Канту, Виланду и другим, подобным им.... Почему никто никогда не сохранил для нашего времени черепов Гомера, Вергилия, Цицерона и т. Д.?”[135]

“Одно время, ” говорит Шарль Виллерс, “ каждый в Вене дрожал за его голову и опасался, что после его смерти она будет реквизирована для обогащения кабинета доктора Галла. Он заявил о своем нетерпении по поводу черепов выдающихся личностей — таких, которые отличались определенными выдающимися качествами или большими талантами, — что было еще большей причиной всеобщего ужаса. Слишком многие люди были склонны считать себя объектами внимания доктора и воображали, что их головы ему особенно нужны, как образцы, имеющие первостепенное значение для успеха его экспериментов. На этот счет рассказывается несколько очень любопытных историй. Старый меье Дени, библиотекарь императора, включил в свое завещание специальный пункт, призванный уберечь его череп от скальпеля меье Галля”.[136]

Галль и Шпурцхайм отличаются друг от друга по нескольким пунктам: по функциям внешних чувств; по названиям способностей души; по их количеству; и по классификации способностей, и т.д. Давайте рассмотрим некоторые из пунктов более подробно.

1. *Функции внешних чувств.* “М. Желчь склонна, ” говорит Шпурцхайм, “ приписывать внешним чувствам, так же как и всем без исключения внутренним способностям, не только восприятие, но также память, воспоминание и суждение.... Мне кажется, что такие факты (факты, приведенные Галлом) не доказывают этот вывод. Во-первых, память, будучи не чем иным, как повторением знания, должна располагаться в точке, где происходит восприятие. Впечатления нервов, которые вызывают ощущение голода и т. Д., Несомненно, воспринимаются в голове, которая также имеет воспоминание о голоде.... Я не верю, что мы можем прийти к выводу, что глаза или уши являются вместилищем воспоминаний”.[\[137\]](#)

Шпурцхайм прав, как мы уже достаточно убедились;[\[138\]](#) восприятие находится не в органе чувств.

Но ошибка, с которой борется Шпурцхайм, - это не вся ошибка Галля; это лишь частная и вторичная ошибка:[\[139\]](#) ошибка, которую он не замечает, ошибка, которой он следует, является общей и капитальной. Из независимости внешних чувств Галль делает вывод о независимости душевных способностей: он рассуждает на основе очевидной аналогии, за которой скрывается глубокое различие; и Шпурцхайм рассуждает точно так же, как Галль.

“В нервной системе, - говорит он, - мы находим пять внешних чувств отдельными и независимыми друг от друга”.[\[140\]](#) “Способности внешних чувств связаны с различными органами; они могут существовать отдельно. То же самое относится и к внутренним чувствам”.[\[141\]](#) “Мы утверждаем, что для каждого вида чувства или мысли существует определенный орган, как и для каждого вида внешних ощущений”.[\[142\]](#)

Подобно Галлу, Шпурцхайм определяет способности души *внутренними чувствами*; в том же духе он говорит: “*Чувство цвета, чувство числа, чувство языка, чувство сравнения, чувство причинности*”[\[143\]](#) и т.д.

Оба автора начинают с того, что называют способности души *внутренними чувствами*; а затем, введенные в заблуждение этим словом, они делают вывод от *независимости внешних чувств* к *независимости их внутренних чувств*; то есть, независимости способностей души.

2. *Названия факультетов.* Шпурцхайм обвиняет Галла в том, что он придавал значение только действиям, а не принципам этих действий.

“Обнаружив, - говорит он, - связь между развитием мозговой части и видом действия, г-н Галль отделил мозговую часть от действия; таким образом, он говорил об органах музыки, поэзии и т. Д.”.[\[144\]](#) “Номенклатура, - говорит он далее, - должна соответствовать способностям, независимо от какого-либо действия вообще.... Когда мы приписываем органу хитрость, управление, лицемерие, интригу и т. Д., Мы не раскрываем основную способность, которая способствует всем этим измененным действиям”.[\[145\]](#)

Галл отвечает: “М. Шпурцхайм не мог забыть, как часто мы без конца рассуждали, пытаюсь определить примитивное назначение того или иного органа.... Признаюсь, что есть несколько органов, с первичными способностями которых я еще не знаком; и я продолжаю называть их по степени активности, которая привела меня к их открытию. М. Шпурцхайм считает себя более удачливым: его метафизический темперамент привел его к открытию фундаментальной или примитивной способности каждого из органов. Давайте докажем это”.[146]

Действительно, способ Шпурцхайма овладеть основными способностями очень прост. Он создает слово: он называет инстинкт размножения *явлюбчивостью*, склонность к воровству *общительностью*; храбрость - это *воинственность* т.д. и т.п.

Галл и Шпурцхайм много говорят о номенклатуре; но они не понимают, что в том, что касается номенклатуры, первая трудность, и действительно единственная, заключается в том, чтобы добраться до простых фактов. Тот, кто пришел к простым фактам, очень близок к хорошей номенклатуре.

Декарт говорит: “Если бы кто-нибудь ясно объяснил простые идеи, существующие в воображении людей и составляющие все, о чем они думают, я осмелился бы надеяться на язык, которому было бы очень легко научиться ... и, что является главным вопросом, который помог бы суждению, представляя ему вещи настолько отчетливо, что его было бы почти невозможно обмануть; тогда как, напротив, слова, которыми мы сейчас располагаем, обладают, так сказать, лишь запутанными значениями, к которым человеческий ум так давно привык, что поэтому он почти ничего не понимает”. совершенно здоров”.[147]

3. *Количество факультетов.* Шпурцхайм добавляет восемь способностей к тем, что были созданы Галлом, и Галла это раздражает. Непонятно почему.

Что? Неужели Галл наделит двадцатью семью способностями, а Шпурцхайм не получит такой же привилегии в отношении семи или восьми?[148] Должен ли Галл обладать способностью к *пространству*, способностью к *числу* и т. Д., А Шпурцхайму будет отказано в способности к *времени*, способности к *протяженности* и т. Д.? Разве Шпурцхайм не прав наполовину, когда говорит:

“Трудно понять, почему г-н Галль желает внушить своим читателям, что его метод трактовки учения о мозге является единственно приемлемым и что нет никаких других органов, кроме тех, которые он распознал; что органы не делают ничего, кроме того, что он им приписывает ; ... что все, что он говорит и все, что он делает (и только это), несет на себе печать совершенства; и что его решение составляет высший закон”.[149]

4. *Классификация и атрибуты факультетов.* Галл, наделяя одинаковыми атрибутами все способности и каждую способность всеми атрибутами разума, фактически образует из способностей только две группы: группу способностей, которые, по его мнению, являются общими для человека и животных, и группу способностей, которые, по его мнению, присущи только человеку. Шпурцхайм разделяет их.

Ни одна из формул, необходимых для согласованной классификации, не опущена.[150]

Во-первых, есть два *порядка* способностей: *аффективные* и *интеллектуальные способности*; затем каждый из этих *порядков* подразделяется на *роды*. Первый *порядок* имеет два *рода*: аффективные способности, общие для человека и животных,[151] и аффективные способности, присущие только человеку.[152] Второй имеет три рода: способности или *внутренние чувства*, которые делают внешние объекты известными;[153] способности или внутренние чувства, которые делают известными отношения объектов в целом;[154] и способности или внутренние чувства, которые *отражают*.[155]

Какой аппарат для выражения очень простых вещей; для утверждения, что существуют *склонности*,[156] *чувства*,[157] и *интеллектуальные способности*! Какое необычное воплощение всех этих способностей: способностей, которые знают; способностей, которые размышляют![158] Шпурцхайм в другом месте говорит о *счастливых способностях*.[159] В самом деле, какой произвол в распределении фактов! И Наглый тоже, разве он не прав наполовину?

“По какому праву, ” говорит он, “ господин Шпурцхайм исключает из интеллектуальных способностей имитацию, остроумие, идеальность или поэзию, осмотрительность, скрытность, конструктивность? Что такое настойчивость, осмотрительность, подражание; каковы их чувства? Какие у нас есть основания причислять к склонностям конструктивность, а не мелодичность, доброжелательность или подражание?”[160]

Галл, наделяя каждую способность всеми атрибутами понимания, создает столько пониманий, сколько способностей. Шпурцхайм выделяет несколько видов понимания: понимание, которое знает, понимание, которое отражает, и так далее. Он восстанавливает *чувствительные* и *рациональные души*.

Короче говоря, Галл и Шпурцхайм редко сходятся во мнениях относительно своих способностей. В *надежде* Галл видит не более чем атрибут; Шпурцхайм рассматривает его как первичную способность. В *совести* Галль не видит ничего, кроме эффекта *благожелательности*; Шпурцхайм рассматривает ее как особую способность. Галл утверждает, что у *религии* есть только один орган, а Шпурцхайм настаивает на трех — органе причинности, органе сверхъестественного и органе почитания и т. Д.

Мы бы никогда не закончили, если бы следили за ними на протяжении всех их дебатов. Я сказал достаточно, чтобы показать суть дела, и теперь перехожу к Бруссе.

Против БРУССЕ.

Бруссе, по-видимому, был рожден исключительно с целью воображения или распространения систем.

Руководствуясь фактами, за которые он ухватился с редкой проницательностью, Бруссе начинает с того, что возвращает определенные аффекты на их настоящие места;[161] но вскоре,

благодаря неумеренному обобщению этого прекрасного результата, он воспринимает все аффекты в одном и том же аффекте, все болезни в одном и том же недуге; он воображает одно *абстрактное аффект*, посредством которого объясняет все остальные аффекты: *лихорадки* - это не что иное, как раздражение пищеварительного аппарата; *безумие* - это не что иное, как *раздражение мозга*;[162] и тот, кто так нетерпим к *персонализациям* предлагаемым другими, делает одну *персонализацию* еще больше; в конце концов, его исключительный и упрямый гений выводит его за пределы самого себя и, как будто просто для того, чтобы развлечь его после утомления формированием своих систем, погружает его в вопрос о *френологии*, где он наслаждается гораздо больше, потому что находит в ней свой собственный привычный метод, свои собственные идеи и свой собственный язык: есть много способностей, чтобы понять его. вернуть их в органы, нужно установить множество локализаций.

О Бруссе не следует судить по его “Курсу френологии”. [163] Пять или шесть первых уроков, или, как он их называет, *обобщений*, [164] представляют собой просто запутанную смесь идей: представлений Кондильяка, отвергнутых Кабанисом, и идей френологов.

Он говорит, что чувствительность является *общим источником* способностей; [165] он называет *восприятие первичной способностью*, [166] &c.с.; и Кондильяк не стал бы говорить иначе.

Но, с другой стороны, он говорит, что существует столько же *воспоминаний* сколько органов; [167] что инстинкты и чувства обладают памятью, сколько *внешние восприятия* [168] обладают памятью; что разум - это *сумма способностей*, [169] и т.д.; и Галл не мог бы сказать это более ясно.

Бруссе особенно настроен против *toi* Декарта. “Соблазненные, - говорит он, - *моим* Декартом, философы были приведены к разуму согласно свидетельству их сознания...” [170] А согласно какому свидетельству, по мнению Бруссе, они должны рассуждать?

Ему кажется очень забавным называть *меня внутричерепной сущностью*, [171] *внутричерепным центральным существом*, [172] *person par excellence*, &c..

Он смеется над *toi* Декарта; он забывает, что *toi* Желчи - это либо не что иное, как сумма (*ансамбль*) интеллектуальных способностей, либо не что иное, как слово; и он создает для себя *особый toi*, [174] который он помещает в орган *сравнения*. “Мы обязаны, - говорит он, - органу общего сравнения различением одного лица, выраженным знаком”. [175]

Бруссе никогда не был создан для того, чтобы соглашаться с идеями других; ярмо угнетает его; он никогда не бывает настоящим Бруссе, кроме как в разгар конфликта. В 1816 году он публикует том, [176] и медицинские доктрины поколеблены на полвека: нам следует перечитать этот том еще раз и забыть “Курс френологии”.

VI. ПСИХОЛОГИЯ БРУССЕ.

Дело в том, что Бруссе больше занят своими собственными мнениями, чем тем, что думал Галль; и вот образец его образа мышления: “Разум и его различные проявления являются, - говорит он, - феноменами нервной деятельности”.^[177] “Способности, - говорит он далее, - это действия материальных органов”,^[178] и т.д.

Вся психология Бруссе заключена в этих словах. Орган и явление, производимое органом. Говоря более ясно, орган и действие органа. Выражаясь, как Кабанис, орган и *секреция* этого органа, или *мысль*.^[179] Вот и все!

Следовательно, понимание - это всего лишь *феномен*, продукт, действие. Но если это так, то как может быть *преемственность МВД*? Итак, сознание, которое дает мне *единство moi*, gives me not less assuredly the *continuity* of the *меня*. Замечательными словами Декарта являются: “Я нахожу, что в нас есть *интеллектуальная память*”.^[180]

Сознание говорит мне, что я *один*, а Галл настаивает, что *ямножественен*; сознание говорит мне, что я *свободен*, а Галл утверждает, что нет *моральной свободы*; сознание наделяет меня непрерывностью моего понимания, но Кабани и Бруссе говорят мне, что мое понимание - это не что иное, как *акт*.

Философы будут говорить.

VII. ФИЗИОЛОГИЯ БРУССЕ.

Вся физиология Бруссе основана на *раздражении*. Он говорит: “Раздражение составляет основу физиологической доктрины”.^[181] Но что такое раздражение? Бруссе отвечает: “Это преувеличение сократительной способности”.^[182] Но тогда что такое *сократительная способность*?

У Галлера термин *раздражимость* (поскольку это его термин для *сократимости*) обладает точным значением и значимостью. *Раздражимость* - это свойство мышечных волокон, благодаря которому они укорачиваются или сжимаются при прикосновении.

Халлер продемонстрировал, и это его заслуга, что только мышца *движется* при прикосновении к ней. Какое это имеет отношение к Бруссе? Он снова возвращается к смутной раздражительности Глиссона и де Гортера: подобно этим авторам, он приписывает ее каждой ткани и, подобно им, объясняет с ее помощью все.

Broussais это *раздражение* является всего лишь Галлера *раздражительность* преувеличены и деформируются.

Гений Бруссе был слишком нетерпелив, чтобы позволить ему шаг за шагом продвигаться к идее, слишком страстен, чтобы помешать ему удовлетвориться названием, — и именно по этой причине он, по—видимому, от природы был приспособлен к успеху в школе, где имя - это все.

Но вот в чем огромная разница. Галль и Бруссе трудились на благо Школы: Декарт трудился на благо человеческого разума.

VIII.

Я возвращаюсь к Галлу.

Те, кто желает изучить доктрину Галла, всегда пойдут к самому Галлу. Шпурцхайм уже изменяет дух этой доктрины, и Галл жалуется на это“.М. Шпурцхайм, - говорит он, - знает о моих открытиях лучше, чем кто-либо другой, но он пытается внести в них дух, совершенно чуждый тому, в котором они были начаты, продолжены и доведены до совершенства”.[\[183\]](#)

Более того, Галл был великим анатомом. Его идея прослеживания волокон мозга является фундаментальной с точки зрения анатомии этого органа. Идея принадлежит не ему: два французских анатома, Вьессенс и Пурфур дю Пети, прекрасно поняли это задолго до него; но в период его появления об этом давно забыли. Мозг тогда никем не препарировался: его нарезали ломтиками.

То, что Галл вспомнил истинный метод препарирования мозга, было большой заслугой; и с его стороны было еще больше внимания уделено его работам в области позитивной анатомии, его доктрине о независимых способностях и множественном мозге.

Этой странной доктрине выпала судьба еще более странная. Галл и Шпурцхайм забыли отнестилюбопытство к числу своих основных способностей. Они ошибались. Если бы не доверчивое любопытство человечества, как бы они могли объяснить успех своей доктрины?

К счастью, система никогда не живет иначе, чем так, как живет система. От сиюминутного отказываются ради другого: и почти всегда ради совершенно противоположного. Системы множатся и исчезают; и мы в долгу перед самими системами за то, что избавились от их пагубного воздействия.

Примечания.

ПРИМЕЧАНИЕ I.

Анатомические отношения, которые, по предположению Галля, существуют между Органами Внешних чувств и Органами Интеллектуальных способностей.

Страница 82. Согласно Галлу, происхождение, развитие, структура и способ прекращения, что касается органов способностей души и органов внешних чувств, все сходно, все имеет общее.

Известно, что нервную систему составляют два вещества — серое вещество и белое, или волокнистое вещество. Что ж, согласно Галлу, одно из этих веществ производит другое. Серое вещество производит белое вещество.

Следовательно, везде, где есть какое-либо серое вещество, должно появляться белое вещество; то есть *нервные волокна*, [184] *нервные нити*, нервы. Все нервы в теле должны возникать таким образом. Спинномозговые нервы возникают из серого вещества, которое находится внутри спинного мозга; мозговые нервы - из серого вещества, которое находится внутри продолговатого мозга.

Следовательно, нервы тела являются *органами чувств*.

С другой стороны, мозг и мозжечок, [185] которые являются *органами душевных способностей*, должны возникать подобно нервам: мозг - из серого вещества *пирамидальных возвышенностей*; мозжечок - из серого вещества, которое окружает *неподвижные тела*.

Во-вторых, всякий раз, когда нерв проходит через массу серого вещества, он получает от нее, согласно Галлу, определенные новые нервные волокна; и таким образом он растет и развивается сам. Следовательно, головной мозг и мозжечок не преминут вырасти и быть развитыми аналогичным образом. Прimitивные пучки мозжечка (*рестиформные тела*) будут расти с помощью нитей, которые будут сообщены им серым веществом *цилиарного тела*: примитивные пучки головного мозга (*пирамидальные возвышения*) - с помощью нитей, сообщенных им, во-первых, серым веществом *варолиева моста*; во-вторых, серым веществом *зрительных слоев*; а затем оливарными телами, *corpora полосатая ткань*, &c. &c.

Наконец, подобно тому, как чувствительный нерв расширяется на своем конце и посредством такого расширения образует орган чувств, так и примитивные пучки волокон головного мозга и мозжечка заканчиваются расширениями и составляют *органы внутренних чувств*; то есть доли мозжечка и полушария головного мозга. [186]

ПРИМЕЧАНИЕ II.

Разница между инстинктом и Пониманием.

Страница 64 (Примечание). И он не видит, что в отношении инстинктов и понимания все является контрастом.

Вот что я уже говорил в другом месте по этому так долго обсуждаемому вопросу об инстинкте и понимании животных..

“Существует абсолютная разница между *инстинктом* и *пониманием*.

“В *инстинкте* все слепо, необходимо и неизменно. В *понимании* все является избирательным, условным и изменяемым.

“Бобр, строящий свой дом, и птица, вьющая гнездо, действуют только инстинктивно.

“Собака и лошадь, которые усваивают даже значение нескольких наших слов и которые повинуются нам, делают это благодаря пониманию.

“В *инстинкте* все является врожденным. Бобр строит, не научившись строить: все, что он делает, обусловлено роком. Бобр строит под воздействием постоянной и непреодолимой силы.

“В *понимании* все является результатом опыта и *наставлений*. Собака повинуеться только потому, что научилась повиноваться: в этом отношении она совершенно свободна, ибо она повинуеться только потому, что хочет повиноваться.

Наконец, в отношении *инстинкта* все особенное. То замечательное трудолюбие, которое бобр проявляет при постройке своей хижины, не может быть использовано ни в каком другом занятии, кроме строительства своей хижины. Итак, в *понимании* все является общим; ибо собака могла бы применить ту же гибкость внимания и концепции, которую она использует при подчинении, для выполнения любых других действий.

Следовательно, у животных есть две различные и первичные силы — *инстинкт* и *понимание*. До тех пор, пока наши представления об этих силах были запутанными, все наши взгляды и суждения относительно действий животных оставались неясными и противоречивыми. Среди этих действий некоторые демонстрировали превосходство человека над животным во всех отношениях; в то время как другие, казалось, признавали превосходство животного создания над человеком — противоречие почти столь же прискорбное, сколь и абсурдное! Благодаря различию, которое отделяет слепые и необходимые действия от произвольных и обусловленных — или, одним словом, инстинкт от разума, — все противоречия исчезают, и порядок сменяется беспорядком. То, что у животных является *пониманием*, ни в какой степени не приближается к совершенству человеческого понимания; и все, что под видом *понимания* казалось превосходящим человеческое понимание, на самом деле является простым результатом механической и слепой силы”.[\[187\]](#)

Вот что я говорю о границах между интеллектом человека и животных.

“Животные получают посредством своих органов чувств впечатления, подобные тем, которые мы получаем посредством наших органов чувств; подобно нам самим, они сохраняют следы этих впечатлений: эти впечатления, будучи сохраненными, образуют для них, как и для нас, многочисленные и разнообразные ассоциации: они комбинируют их, они делают из них выводы и выводят из них суждения: следовательно, они обладают пониманием.

Но на этом все их понимание заканчивается. Понимание, которым они обладают, - это не то, которое может рассматривать само себя: оно не может видеть само себя, не знает себя. Они не обладают *рефлексией*, той высшей способностью, которой наделен разум человека и которая

позволяет ему обратить свою интеллектуальную мощь вовнутрь, чтобы изучить и познать природу своего собственного понимания.

“Таким образом, рефлексия, определенная таким образом, является границей, отделяющей человеческий интеллект от интеллекта грубого создания: и фактически нельзя отрицать, что это создает четкую демаркационную линию между ними. Мышление, которое созерцает само себя; понимание, которое видит само себя и изучает само себя; знание, которое познает само себя; они, очевидно, составляют порядок определенных явлений определенного характера, которых никогда не может достичь ни одно грубое животное. Это, если можно так выразиться, чисто интеллектуальная область; и она принадлежит только человеку. Одним словом, животные чувствуют, знают, мыслят; но человек - единственное из всех сотворенных существ, которому дана способность чувствовать то, что он чувствует, знать то, что он знает, и думать то, что он думает”.[\[188\]](#)

Я процитирую также следующий отрывок из моей работы "*Об инстинкте и интеллекте животных*", стр. 178, и далее.

“ ... Есть три факта: *инстинкт, понимание животных и человеческое понимание*; и каждый из этих фактов имеет свои определенные пределы.

“Инстинкт действует, не зная; понимание знает для того, чтобы действовать; знает только человеческое понимание и знает самого себя.

“Рефлексия, в точном определении, - это *познание мысли посредством мысли*. И эта власть мысли над мыслью дает нам целый ряд новых отношений. Как только разум осознает себя, он судит себя; как только он может действовать сам по себе, он свободен; как только он становится свободным, он становится нравственным.

“Человек нравственен только потому, что он свободен.

“Грубое животное следует за своим телом; посреди этого тела, которое полностью окутывает его материей, человеческий разум свободен, и настолько свободен, что может, когда захочет, принести в жертву само свое тело.

“Великая власть воли над телом, ’ говорит Боссюэ, - заключается в том поразительном эффекте, что человек настолько полностью владеет своим телом, что может даже пожертвовать им ради какого-то большего блага. Бросаться в гущу драк и бросаться под град стрел со слепой стремительностью, как это случается среди животных, не показывает ничего превосходящего само тело; но решение умереть с пониманием и по причинам, несмотря на всю предрасположенность тела к противоположному, свидетельствует о принципе, превосходящем тело; и среди всех племен животных человек - единственный, в ком этот принцип существует ”.

ПРИМЕЧАНИЕ III.

Наглость, как Наблюдатель.

[Страница 93](#). Он изучал их (человечество) по-своему, но он изучал их очень внимательно.

Галл был практичным наблюдателем. Он всегда наблюдал и учился, и с тем большим успехом, что “люди никогда не подозревали, что имеют дело (это его собственные слова) с человеком, который прекрасно знал, что основа человеческого характера остается всегда одной и той же, и что с годами меняются лишь объекты, которые нас интересуют”.^[189]

Он обследовал “семьи, школы, больницы и т. Д.”.^[190] И он никогда не довольствовался только внешностью. “Занятия, которым мы занимаемся как нашему бизнесу, обычно ничего не доказывают ни в отношении наших способностей, ни в отношении наших склонностей; но те, которыми мы занимаемся в качестве развлечения, почти всегда соответствуют нашим вкусам и нашим талантам”.^[191]

Его наблюдения за людьми были более полезны для оценки и описания их характеров, чем *шишки на черепе*.

“Я часто говорил своим друзьям: покажите мне фундаментальные силы души, и я найду орган и место для каждой из них.^[192] ... Когда я убедился, что выдающийся талант, причем полностью признанный, был, в частности, результатом работы природы, я исследовал голову человека ... и т. Д.”.^[193]

Таким образом, прогресс Галла шел от *наблюдения к черепу*; сначала он перешел от *наблюдения к черепу*, а затем от *черепа к мозгу*.

Кроме того, Галл начал с изучения *физиономии*— *черт countenance*, подобного Лафатеру.,

Сначала он подумал, что хорошая память связана с определенным *строением глаз*: “Я заметил, - говорит он, - что у всех у них были большие выступающие глаза.... Поэтому я подозревал, что должна существовать какая-то связь между памятью и этим строением глаз”.^[194] Снова он говорит: “Из хода этих исследований можно понять, что первый шаг состоял в открытии определенных органов; что мы лишь постепенно позволили фактам говорить, чтобы вывести из них общие принципы; и что впоследствии, ближе к концу, мы научились познавать мозг”.^[195]

Таким образом, оказывается, что изучение мозга появилось позже, чем доктрина; и именно по этой причине анатомия мозга представляет собой всего лишь ряд ошибок и догадок — я имею в виду здесь *специальную анатомию, секретную анатомию, френологическую анатомию*; я имею в виду анатомию, разработанную в соответствии с доктриной. Я уже достаточно провел различие между этим *иреальной анатомией*.^[196]

ПРИМЕЧАНИЕ IV.

О Духах Животных.

Страница 116. *Тот, кто столь нетерпим к персонификациям, предлагаемым другими, создает на одну персонификацию больше.*

Бруссе все объясняет словом *раздражение*, точно так же, как Галль все объясняет словом *способности*, а Мальбранш объяснял их *животным духом*.

После служения Декарту, *животный дух* был на службе Мальбранша; они служили всем авторам семнадцатого века.

Мальбранш начинает одну из своих глав такими словами: “Все согласны с тем, что *животный дух*...”[197] Он понятия не имел, что когда-нибудь все согласится с тем, что *животный дух* - это просто бессмыслица.

Там были животные духи всех видов; поскольку Галл обладал *способностями* всех видов: там были *возбужденные*[198] животные духи, *вялые* животные духи.[199] Существовали даже *распутные* животные натуры.

“Вино настолько спиртное, - говорит Мальбранш, - что это почти полностью сформировавшийся *животный спирт*, но распутный спирт”.[200]

Животный дух, казалось, стал *ultima ratio* философов.

Автор книги, заслуживающей уважения в других отношениях, так определил *воображение*: “Воображение - это восприятие души, вызванное внутренним движением духов животных”.[201]

Этот автор не сомневался, что он что-то говорит.

ПРИМЕЧАНИЕ V.

Преувеличение Бруссе даже во френологии.

Страница 120. Нам следует перечитать этот том еще раз и забыть о “Курсе френологии”.

Бруссе перенимает не только общие идеи френологов — он перенимает даже самые незначительные из них.

Галл обнаружил, что *инстинкт убийства* находится в определенной части мозга; и он предположил, следует понимать, что эта часть существует только в мозге плотоядных животных. Но видите ли, он обнаружен в мозге травоядных, и можно было бы предположить, что у френологов из-за этого возникнут проблемы. Не обманывайте себя, *инстинкт убийства* - это *инстинкт разрушения*. Шпурцхайм определяет это как *разрушительность*; и травоядные животные должны обладать этим, поскольку они поедают растения и, следовательно, *уничтожают* их.

“Травоядные, - говорит Бруссе, - производят настоящее разрушение растений.”[202] Была предпринята попытка выставить эти идеи на посмешище даже в Академии.... В ученом обществе такого рода френологи считали нелепым сравнивать уничтожение овощей с уничтожением животных. Со своей стороны, я не вижу, почему эта идея должна быть отвергнута, если основной целью органа является обеспечение средств к существованию, что кажется вполне определенным”.[203]

Галл представляет себе орган религии; он считает его свойственным только человеку и называет его *Органом теософии*. Тот же самый орган находится совсем внизу, на уровне овцы;[204] и не думайте, что Бруссе вообще потрясен этим открытием. При необходимости он пойдет дальше, чем все френологи, вместе взятые.

“Френологи, - говорит он, - отрицали, что это чувство (чувство почитания) принадлежит животным. Я не придерживаюсь такого мнения. Определенный оттенок *почитания* существует у многих видов позвоночных, которые выбирают своих вожakov и маршируют по сигналу, подаваемому их вожаками, и повинуются им. Таким образом, даже среди овец вы можете увидеть вождя”.[\[205\]](#)

Кто бы мог в это поверить? Бруссе считает Галла слишком робким.

“Центрального органа нет, - говорит он, -”. Это считается одним из самых веских возражений против Галла. Насколько я знаю, он так и не ответил на это. Что касается меня, я буду более откровенным, возможно, более смелым: я скажу, что невозможно, чтобы он был и т. Д.”[\[206\]](#)

ПРИМЕЧАНИЕ VI.

Сократительная способность Бруссе.

[Страница 126.](#) Он приписывает это каждой ткани и, подобно им, объясняет с помощью этого все.

Он приписывает это каждой ткани. Халлер приписывал это свойство только мышцам, “но это общее свойство тканей”.[\[207\]](#)

Он объясняет с ее помощью все: каждую вещь, даже самую *иннервацию*. Но он вынужден добавить: “Несомненно, *что-то еще происходит* внутри нервной ткани; несомненно, мы незнакомы и невежественны относительно того, как *это другое* связано с рассматриваемыми движениями и как оно может использовать их в акте иннервации”.[\[208\]](#)

Итак, мы понимаем, что, во-первых, *сократительная способность* объясняет *иннервацию*; и затем, что *чего-то большего* не хватает. И поскольку сократительная способность нервной системы - это не что иное, как ментальная фикция (нерв никогда не двигается, никогда не *сокращается*, когда к нему прикасаются), весь вопрос сводится к этому *чему-то большему* или к *той другой вещи*.

Посмотрите, как далеки от строгости те, кто создает системы.

ПРИМЕЧАНИЕ VII.

Настоящие Подвиги Желчи в том, что касается Мозга.

[Страница 128.](#) Более того, Галл был великим анатомом.

Он обнаружил, что мозговое вещество мозга на всем протяжении волокнистое;[\[209\]](#) он видел, как волокна продолговатого мозга расслаиваются, прежде чем они образуют пирамидальные возвышения,[\[210\]](#) волокна оливарных тел и т. Д.; то есть все восходящие волокна продолговатого мозга пересекают варолиевый мост, оптический нерв и полосатые тела вплоть до свода полушарий; он видел пучки, образованные эти волокна увеличивались в величине в

каждом из этих проходов; он отличал волокна, которые выходят наружу, чтобы расширяться в полушариях, от тех, которые входят внутрь, чтобы дать начало спайкам: многие нервы, которые считались выходящими непосредственно из головного мозга, были им прослежены даже в продолговатом мозге и т.д.

И я повторяю, что все эти факты, открытием которых он обогатил анатомическую науку, все они являются результатом его удачной мысли — идеипрослеживания волокон мозга, или, используя общее выражение, замены при вскрытии мозга метода *разработок* вместо метода *срезов*.

Мнения Галля, которые, по-видимому, не следует принимать, следующие: то, в котором он предполагает, что нервные волокна зарождаются (он понимает это слово буквально) из серого вещества; то, в котором он утверждает, что извилины мозга являются просто ответвлениями продолговатых волокон и, следовательно, могут быть *развернуты*; то, в котором он сравнивает тонкую слизистую оболочку кожи с серым веществом головного мозга, и т.д., и т.п.

У Галля был ум, который побуждал его к формированию гипотез; и даже в его реальной анатомии есть явный привкус системного автора.

КОНЕЦ.

СНОСКИ

[1] Anatomie et Physiologie du système nerveux en général, et du cerveau en particulier, avec des observations sur la possibilité de reconnaître plusieurs dispositions intellectuelles et morales de l'homme et des animaux par la configuration de leurs têtes; 4 vol. 4to, avec planches. Paris, de 1810 à 1819.

[2] Т. ii. стр. 217. “Общеизвестно, - говорит он далее, - что мозг является особым органом души”. Т. ii. стр. 14.

[3] Галл, т. ii. стр. 221.

[4] Галл, т. ii. стр. 222. Haller, Elem. Физиолог. и др., т. iv. с. 304. Sensus præterea sedem in cerebro esse, atque ad cerebrum per nervos mandari, alia sunt quæ ostendunt.

[5] Rapports du Physique et du Moral de l'homme, IIe Mémoire, § vii.

[6] Leçons d'Anat. Сост. т. ii. с. 153.

[7] Там же. стр. 173.

[8] Recherches Phys. sur la Vie et la Mort, art. vi. § ii.

[9] Там же.

[10] Descartes, Lettre à Regius ou Leroy, t. viii. p. 515, edit, par M. Cousin.

[11] Т. v., стр. 34. “Я замечаю, — говорит он снова, - что ум получает впечатления не от всех частей тела, а только от мозга”. - Т. i., стр. 344.

[12] Т. vi. стр. 347.

[13] Т. ii. стр. 357.

[14] Т. ii. стр. 358.

[15] “Основная цель этой работы, — говорит он, - показать, как все наши знания и все наши способности исходят от органов чувств”. - “Характеристика ощущений”, предварительная оценка крайнего смысла.

[16] Traité des Sensations, préam. de l'Extrait Raisonné.

[17] De l'homme, de ses facultés intellectuelles, etc. t. i. p. 186. Liege, 1774.

[18] Он очень правильно отличает чувства от рассудка; но, как будет видно в другом месте, он наделяет каждое чувство всеми атрибутами рассудка. Он убегает от одной ошибки только для того, чтобы впасть в другую.

[19] See my Recherches Expérimentales sur les propriétés et les fonctions du Système Nerveux, 2d edit. Париж, 1842 год.

[20] Там же.

[21] See my Recherches Expérimentales sur les propriétés et les fonctions du Système Nerveux, 2d edit. Париж, 1842 год.

[22] See my Recherches Expérimentales sur les propriétés et les fonctions du Système Nerveux.

[23] Там же.

[24] See my Recherches Expérimentales sur les propriétés et les fonctions du Système Nerveux.

[25] “Из того, что я сейчас сказал, ясно следует, что способность восприятия, способность воспоминания и способность памяти являются не чем иным, как атрибутами, общими для всех фундаментальных способностей”.—Галл, т. iv. стр. 319. “Все, что я только что сказал, также применимо к суждению и воображению” и т.д. — Там же. стр. 325. “Чувства и склонности также имеют свое суждение, свое воображение, свои воспоминания”. — Там же, стр. 327.

[26] Там же. 328.

[27] Там же. 327.

[28] Галл, т. iv. стр. 339.

[29] Там же. стр. 341.

[30] “Интеллектуальная способность и все ее подразделения, такие как восприятие, воспоминание, рассудительность, воображение и т. Д., Не являются фундаментальными способностями, а просто их общими атрибутами”. —Галл, т. iv. стр. 327.

[31] “Разум, - говорит Галл, - есть результат одновременного действия всех интеллектуальных способностей”.—Галл, т. iv. с. 341.

[32] Галл перечисляет двадцать семь из этих способностей, Шпурцхайм перечисляет двадцать пять и т.д.

[33] Галл, т. iv. стр. 325.

[34] Там же. стр. 330.

[35] “Я нахожу в себе, — говорит Декарт, - различные мыслительные способности, каждая из которых имеет свой собственный путь... из чего я заключаю, что они отличны от меня, как модусы отличны от вещей”. - Т. i., стр. 332.

[36] Т. viii. стр. 169.

[37] Галл, iv. стр. 341.

[38] Там же.

[39] Там же. т. ii. стр. 100.

[40] Галл, т. ii. стр. 97.

[41] Там же.

[42] “Закон моральной свободы заключается в том, что человек всегда должен быть решительным и что он сам должен принимать решения, исходя из самых многочисленных и могущественных мотивов”. — Т. ii. стр. 137.

[43] “Но орган может действовать с большей энергией и давать более мощный мотив”. — Т. ii. стр. 104.

[44] “Нет человека, который, созерцая себя, не почувствовал бы и не испытал на опыте, что воля и свобода — это одно и то же; или, скорее, что нет разницы между тем, что добровольно, и тем, что свободно”. - Т. i., стр. 496.

[45] Декарт, т. i., стр. 299. “Всегда в нашей власти помешать себе стремиться к благу, которое нам ясно известно, при условии, что мы считаем благом проявить таким образом нашу свободную волю”. — Декарт, т. vi. стр. 133. “Полнота свободы заключается в широком использовании нашей позитивной способности следовать худшему, в то время как мы действительно знаем лучшее”. — Там же, стр. 138.

[46] Вопрос здесь относится исключительно к мозгу, правильно так называемому (долям или полушариям головного мозга.) Остальная часть головного мозга не участвует в операциях понимания. См. Предыдущую статью, стр. 29, и последующие.

[47] *Индивидуальный интеллект* - выражение Галла. “У каждого индивидуального разума есть свой собственный соответствующий орган”. — iv. 341.

[48] Даже инстинкты, согласно Галлу, обладают памятью, воображением и т. Д. “инстинкт продолжения рода, любовь к потомству, гордость, тщеславие, вне всякого противоречия, обладают способностью восприятия, памятью, суждением, воображением и собственным вниманием”. — Т. iv. с. 331. “Склонности и чувства также обладают своим суждением, своим вкусом, своим воображением, своими воспоминаниями”. — iv. 344.

[49] Галл, т. iv. стр. 325.

[50] Там же.

[51] См., в частности, т. ii. стр. 5.

[52] “Если бы я имел дело с читателями, совершенно свободными от предрассудков, мне бы, чтобы убедить их в этом (предположении врожденных идей), ничего не оставалось, как показать им, что человечество приобретает все знания, которыми оно обладает, простым использованием своих природных способностей”.—Философ. Эссе о человеческом разуме.

[53] “Локк удовлетворяется, - говорит он, - признанием того, что душа воспринимает, сомневается, верит, рассуждает, знает, желает и размышляет: что мы убеждены в существовании этих *операций*; ... но он, по-видимому, считал их чем-то врожденным”. Незадолго до этого он сказал: “Мы увидим, что все способности души казались ему врожденными качествами”.—*Traité des Sensations. (Extrait raisonné.)*

[54] См. т. iii. стр. 81.

[55] Т. i., стр. 343.

[56] “Теперь я могу льстить себе надеждой, — говорит он, - что читатель в достаточной степени подготовлен к совершенно новой философии, выведенной непосредственно из фундаментальных сил”. - Т. iii. стр. 11.

[57] Т. iv. стр. 327.

[58] Т. iv. стр. 319.

[59] Т. iv. стр. 341.

[60] Там же.

[61] Там же.

[62] “Каждое индивидуальное понимание обладает своим собственным надлежащим органом”. — Т. iv. стр. 341.

[63] Т. i., стр. 230.

[64] Т. iv. стр. 105.

[65] Смотрите предыдущие статьи.

[66] Т. iv. стр. 340. “Все эти способности принимают окончательное решение. Это и есть это решение... который на самом деле является волей и желанием”. — Т. ii. стр. 105.

[67] Т. iv. стр. 341.

[68] Т. iv. стр. 269.

[69] Т. iv. стр. 271.

[70] Т. iv. стр. 252.

[71] Т. iv. стр. 252.

[72] Т. iv. стр. 10.

[73] Т. i., стр. 290.

[74] Т. i., стр. 287.

[75] Статья “Либерте”, Словарь. Энциклопедия.

[76] Т. iii. стр. 155. Такие фразы не могут быть завершены.

[77] Т. iii. стр. 213.

[78] Там же. 219.

[79] “Этот термин, инстинкт, применим, — говорит он, - ко всем фундаментальным силам”. - Т. iv. стр. 334. И он не видит, что в том, что касается инстинктов и понимания, все является контрастом. Об этом различии инстинкта и понимания смотрите в моей работе "Инстинкт и интеллект животных" и др. Париж, 1845, 2-я правка.

[80] Это правда, что такое приближение удивляет его. “Пристрастие животных к возвышенным местам зависит, - говорит он, - от тех же факторов, что и гордость, которая является в человеке нравственным чувством! Пусть читатель вообразит, какое изумление вызвало в моем уме подобное явление”. — Т. iii. 311.

[81] “Сосуществуя с любовью к войне, он (плотоядный инстинкт) составляет бесстрашного воина”. — Т. iii. стр. 258. “Я знаю голову, которая по размеру органа убийства приближается к голове Мадлен Альберт и ла Буур, за исключением того, что природа создала ее в более грандиозном масштабе. Быть свидетелем страдания для этого человека - величайшее наслаждение. Тот, кто не любит кровь, в его глазах презренен”. — Т. iii. стр. 259. Перо отказывается переписывать подобные вещи, которые, к счастью, однако, являются чистой воды экстравагантностью.

[82] “Из моих размышлений следует, что совесть есть не что иное, как модификация, аффект нравственного чувства” (орган.) — Т. iv. стр. 210. “Из всего, что я сказал относительно совести, следует, что ее ни в коем случае нельзя рассматривать как фундаментальное качество: на самом деле это всего лишь проявление морального чувства — или благожелательность”. — Т. iv. стр. 217.

[83] Т. iii. стр. 321.

[84] Т. iv. стр. 272.

[85] Т. ii. стр. 287.

[86] Recherches sur le système nerveux en général et sur celui du cerveau en particulier; mémoire présenté à l'Institut de France, le 14 Mars, 1808; suivi d'Observations sur le rapport qui en a été fait à cette compagnie par ses commissaires, par F. J. Gall et G. Spurzheim. Париж, 1809 год.

[87] “Нервная оболочка мозга образует эти складки, которые называются его извилинами”. — Анат. и Физиология. du Système Nerveux, t. iii. p. 82.

[88] Шпурцхайм справедливо замечает: “Допуская, что направление волокон известно, что мы знаем, что их консистенция больше или меньше, что их цвет более или менее белый, что их величина более или менее значительна и т.д. Какие выводы мы можем сделать из всех этих

обстоятельств относительно их функций? Вообще никаких”. —Наблюдатель. sur la Phrénologie, ou la connaissance de l’homme moral et intellectuel fondée sur les fonctions du Système Nerveux, p. 83. Paris, 1818.

[89] Rapport sur un Mémoire de MM. Gall et Spurzheim, relatif à l’anat. du cerveau. Séances des 25 Avril et 2 Mai, 1808.

[90] “Определение фундаментальных сил и местонахождения их органов составляет наиболее поразительную часть моих открытий. Знание первичных способностей и качеств и места их материального обуславливания как раз и составляет френологию мозга”. —Галл, Анат. et Phys. du Syst. Нерв., т. iii. с. 4.

[91] Lettre d’un Médecin des Hôpitaux du Roi. Намюр, 1710 год.

[92] Элементы физиологии, т. iv. стр. 384.

[93] “Но если предположить, что каждая фундаментальная способность, а также каждое конкретное чувство зависят от определенной части мозга” и т. Д. Наглость, Анат. et Phys. du Syst. Нерв., т. iii. с. 392.

[94] Т. iv. стр. 9.

[95] Т. iv. стр. 9.

[96] Т. ii. стр. 234.

[97] Мозг, собственно так называемый.

[98] *Я вижу своими глазами.*—М.

[99] See my Recherches Expérimentales sur les propriétés et les fonctions du Système Nerveux, 2d edit. 1842.

[100] Там же.

[101] Смотрите в конце этой работы первое примечание по анатомии Галла.

[102] Т. i., стр. 271. Шпурцхайм объясняет себя подобным образом. “Органы внутренних способностей так же обособлены, как пучки нервов пяти чувств”. сюр ла Френоль и др., стр. 74. “Установлено, что мозг состоит из множества пучков, которые должны выполнять свои функции”. — Там же, стр. 94. “Органы ... состоят из расходящихся пучков, извилин и комиссур”.—Там же.

[103] Т. iv. стр. 8. “Боннет считает, и это вполне вероятно, что каждое нервное волокно имеет свое собственное надлежащее действие”.—Там же.

[104] Т. iii. стр. 2.

[105] Т. iii. стр. 4.

[106] See my Recherches Expérimentales sur les propriétés et les fonctions du Système Nerveux, 2d edit. 1842. Смотрите также первую статью этой работы.

[107] Однако это должно быть либо одно, либо другое; ибо это должно быть что-то. Может ли это быть свертка, как было сказано позже? Но там не двадцать семь свертков и т.д. и т.п.

[108] Т. ii. стр. 163.

[109] Наглость, как мы видели, смешивает понимание с инстинктом. Буквально, он разделяет понимание на множество инстинктов, а затем из каждого инстинкта конструирует интеллектуальную способность. Смотрите вторую статью этой работы. “Термин "инстинкт" подходит ко всем фундаментальным способностям”. — Т. iv. стр. 334. О персонажах, свойственных инстинктам, читайте в моей работе, озаглавленной “Об инстинкте и интеллекте животных”, 2-я редакция. 1845.

[110] See my Recherches Expérimentales sur les propriétés et les fonctions du Système Nerveux, 2d edit. 1842.

[111] “Филогенетический орган, или последняя извилина долей головного мозга”.—Шпурцхайм, Обозреватель. sur la Phrén., &c. p. 117.

[112] За очень немногими исключениями.

[113] “Качества и способности, общие для человека и животных, расположены в задних отделах” и т. д. — Т. iii. стр. 79 и т. iv. стр. 13. “Качества и способности, которыми обладает исключительно человек, расположены в отделах головного мозга, которых лишены животные создания; и, следовательно, мы должны искать их в передне-верхней части лобной кости”. — Т. iii. страница 79.

[114] “У млекопитающих отсутствуют не передние части мозга, а задние”, - совершенно справедливо замечает Лере в своей прекрасной работе об извилинах мозга, озаглавленной "Anat. Сравнение. du Syst. Nerveux, considéré dans ses rapports avec l'Intelligence, t. i. p. 588. Париж, 1839 год.

[115] Т. iii. стр. 20.

[116] Т. iii. стр. 26.

[117] Любопытно наблюдать, как М. Вимонт, очень решительный френолог, а также способный анатом, высказывается по поводу *локализации* Галля и Шпурцгейма. “Работа Галля, ” говорит М. Вимон, - скорее способна ввести в заблуждение, чем дать точное представление о расположении органов”. — Traité de Frén. т. ii. стр. 12. “Галль говорит, что он заметил, что лошади, уши которых широко разведены у корней, уверены в себе и отважны. Возможно, этот факт верен; но я не могу понять связь, которая может существовать между внешним признаком и качеством храбрости, место которой у лошади, как указывает Желчь, находится там, где нет мозга”. — Там же. 281. “Шпурцхайм указывает на область лобных пазух как на средоточие мягкости, в то время как мужество расположено в мышцах, которые должны быть вставлены в затылочное отверстие”. — Там же, стр. 117. Таковы замечания месье Вимона, однако тот же самый месье Вимон начертил следующие двадцать девять имен на черепе гуся!

- 1. Сохранение.
- 2. Выбор пищи.
- 3. Разрушение.

- 4. Хитрость.
- 5. Мужество.
- 6. Выбор населенного пункта.
- 7. Концентрация.
- 8. Привязанность к жизни или браку.
- 9. Приложение.
- 10. Размножение.
- 11. Привязанность к продукту зачатия.
- 12. Собственность.
- 13. Осмотрительность.
- 14. Восприятие субстанции.
- 15. Конфигурация.
- 16. Степень.
- 17. Расстояние.
- 18. Геометрический смысл.
- 19. Сопротивление.
- 20. Населенные пункты.
- 21. Порядок.
- 22. Время.
- 23. Язык.
- 24. Вероятность.
- 25. Строительство.
- 26. Музыкальный талант.
- 27. Имитация.
- 28. Сравнение.
- 29. Мягкость.

“И все это на гусином черепе!” - говорит по этому поводу г-н Лере (стр. 355). “И нет такого маленького места, которое не было бы занято.... Факультеты так переполнены, ” добавляет он, - что было бы чудесно иметь возможность написать их названия в мозгу.... Было бы еще большим чудом обнаружить их”.

[118] Сам Галл говорит: “В какой бы области мы ни исследовали два вещества, из которых состоит мозг, мы с трудом можем различить какое—либо различие между ними в отношении их структуры и т. Д.”. - Т. iii. стр. 70.

[119] Т. iii. стр. 63.

[120] “Я целый день просидел взаперти в духовке”. — Т. i. 133.

[121] Т. i., стр. 263.

[122] Eloge de Tournefort.

- [123] Один том, 8 томов. Париж, 1818. Френология - это само название, данное Шпурцхаймом доктрине Желчи.
- [124] Один том, 8 томов. Париж, 1820.
- [125] Наблюдаю. sur la Phréno. &c. p. 8.
- [126] Наблюдаю. sur la Phréno. p. 20.
- [127] Там же. стр. 22.
- [128] Речь. sur le Syst. Nerv. en général, &c. par F. J. Gall et G. Spurzheim.
- [129] Anat. et Phys. du Syst. Нерве и др., работа, которая была рассмотрена в трех предыдущих статьях.
- [130] Т. iv. стр. 341.
- [131] Там же. стр. 327.
- [132] Там же. стр. 341.
- [133] В предыдущей статье, стр. 93.
- [134] Lettre de Charles Villers à Georges Cuvier, sur une nouvelle théorie du cerveau, par le Docteur Gall, &c. Metz, 1802.
- [135] Lettre de Charles Villers, &c. p. 34.
- [136] Там же.
- [137] Наблюдаю. sur la Phréno., &c. p. 10.
- [138] Особенно в последней статье.
- [139] И который не был воспринят Галлом иначе, как из-за возникшей у него необходимости во всех отношениях ассимилировать внешние чувства со способностями души.
- [140] Наблюдаем. sur la Phréno., &c. p. 65.
- [141] Там же, стр. 67.
- [142] Там же, стр. 75.
- [143] See particularly the Essai philosophique sur la morale et intellectuelle de l'homme, p. 54, et seq.
- [144] Наблюдаю. sur la Phréno. p. 17.
- [145] Там же, стр. 127.
- [146] Anat. et Phys. du Syst. Nerv., & c. t. iii. стр. 19. Этот том вышел в том же году, что и "Наблюдение" Шпурцхайма., & c.
- [147] Т. iv. с. 67.

[148] Восемь органов, добавленных Шпурцхаймом, - это органы обитаемости, порядка, времени, правильности, сверхъестественности, надежды, протяженности, веса. Замечания Галла по поводу этих восьми органов, предложенных Шпурцхаймом, следующие: “М. Шпурцхайм, это правда, признает восемь органов больше, чем я допускаю. Что касается органов обитания, порядка, времени и сверхъестественности, я уже говорил. Я признаю наличие органа морального чувства, или чувства справедливости (*juste*), но у меня есть очень веские причины полагать, что доброжелательность - это не что иное, как очень сильное проявление морального чувства; поэтому я рассматриваю эти два органа как единый орган. То, что г—н Шпурцхайм говорит об органах надежды, о размерах и весе, меня еще не убедило: и, фактически, он до сих пор ничего не доказал в отношении них”. - Т. iii. стр. 25.

[149] Essai Philosophique, &c. p. 216.

[150] См. "Философские очерки" и др., стр. 47, и далее.

[151] Чувство Влюбленности, чувство Филогенетического происхождения, чувство Деструктивности, чувство Аффективности, чувство Вороватости, чувство Скрытности, чувство Осмотрительности, чувство Одобрения, чувство любви к Себе. (Какой хаос и какие слова!)

[152] Чувство Благожелательности, чувство Почитания, чувство Твердости, чувство Долга, чувство Надежды, чувство Чудесного, чувство Идеальности, чувство Веселья, чувство Подражания.

[153] Чувство Индивидуальности, Протяженности, Конфигурации, Консистенции, Веса, Цвета.

[154] Смысл Местностей, Счисления, Порядка, Явлений, Времени, Метода, Искусственного языка.

[155] Чувство сравнения, чувство Причинности.

[156] “Некоторые из аффективных способностей порождают только желание, склонность.... Я буду называть их склонностями”. —Примеч. sur la Phrénol., &c. p. 124.

[157] “Другие аффективные способности не ограничиваются простой склонностью, но чем—то большим; это то, что называется чувством”. - Там же.

[158] “Интеллектуальные способности также двойственны: одни из них знают; другие размышляют”. — Философские эссе и др., стр. 225.

[159] “Способности, свойственные человеку, счастливы сами по себе”. — Там же, стр. 167.

[160] Anat. et Phys. du Syst. Nerv. и с. т. iii. стр. 27.

[161] Смотрите его "Историю флегм". Хроника. 1808.

[162] См. его работу, озаглавленную “О возбуждении и безумии”, 1828.

[163] Cours de Phrénologie, 1 vol. 8vo. 1836.

[164] Cours de Phrénologie, p. 82.

[165] Там же, стр. 140.

[166] Там же, стр. 37.

[167] “Память — это не изолированная способность; и воспоминаний столько же, сколько органов”. -стр. 131.

[168] “Инстинкты и чувства обладают памятью так же, как и внешнее восприятие”. —стр. 36.

[169] “ ... Изучение человеческого разума, на самом деле не вымышленного разума, носящего это таинственное название, а *совокупности* умственных способностей человека”. —стр. 82.

[170] Страница 48.

[171] “Сторонники внутричерепного образования”. - с. 153.

[172] “Их центральное внутричерепное существо, которому они приписывают все свои способности”.

[173] “Предположим, они назвали бы это существо *личностью по преимуществу...*” —стр. 75.

[174] Давайте рассмотрим, применительно к этому конкретному (*моему*) я, все *вариорумы* Бруссе. В одном месте я происходит только от одного органа — органа общего сравнения: “Органу общего сравнения мы обязаны различием нашей личности, выраженным знаком *я*”.— Cours de Phrén., стр. 684. Далее, это происходит от двух — органа сравнения и органа причинности: “Орган причинности так же необходим для различения *меня* и *личности*, как и орган общего сравнения”. — Там же, стр. 685. Далее, органа вообще нет: “О том, чтобы приписать *мне* какой-то особый орган, мне кажется, не может быть и речи”.— Там же, стр. 119. И затем это приходит отовсюду: “Нет никакого специального центрального органа, и наше восприятие самих себя имеет в своей основе чувственные восприятия”. — Там же, стр. 119.

[175] Cours de Phrénologie, p. 684.

[176] Examen de la Doctrine Médicale, etc. 1816.

[177] Cours de Phrénologie, p. 717.

[178] Cours de Phrénologie, p. 77. Он также говорит: “Их центральное внутричерепное существо, которому они приписывают все способности человека, не поддается познанию ни одним из наших органов чувств ... следовательно, это чистая гипотеза”. — Там же, стр. 153. Таким образом, нет *разума* (чистая гипотеза); нет *способностей*, кроме *органов* (способности - это действия *материальных органов*); нет понимания, кроме как простого феномена нервной деятельности (понимание и все его проявления - это *феномены нервной деятельности*); следовательно, нет психологии; нет ничего, кроме физиологии; и даже (для ясного понимания) ничего, кроме физиологии Бруссе.

[179] “Чтобы составить себе справедливое представление об операциях, в результате которых возникает мысль, необходимо представить себе мозг как особый орган, специально предназначенный для ее производства, точно так же, как желудок предназначен для осуществления пищеварения, печень — для образования желчи и т. Д.”. -Кабанис, “Взаимоотношения тела и морали человека”, памятная записка, § vii.

[180] Откуда он делает еще более замечательный вывод о бессмертии души. “Я не могу, ” говорит он, “ представить себе умерших иначе, чем то, что они переходят к более приятной и спокойной жизни, чем наша, даже унося с собой воспоминание о прошлом: ибо я нахожу, что внутри нас есть интеллектуальная память.... И хотя религия многому учит нас по этому вопросу, я должен, несмотря на это, признаться в своей слабости в этом вопросе, которая, как мне кажется, является общей у меня с большинством людей, а именно: хотя мы могли бы хотеть верить и даже могли бы считать себя твердо верующими в религиозные доктрины, мы не так глубоко соприкасаемся с теми вещами, которым учит одна вера и которые наш простой разум не может постичь, как с теми, которые внушены нам естественными и очень очевидными причинами ”.

[181] De l'Imitation et de la Folie, p. 4.

[182] “преувеличение феноменов сократимости - это то, что представляет собой раздражение”.—Там же. с. 77.

[183] Anat. и Физиология. du Système Nerveux, &c. iii. 15.

[184] Белое вещество повсюду волокнисто. Ни один человек не внес большего вклада, чем Желчь, в демонстрацию этого великого факта. Он справедливо замечает: “Те авторы, которые вместе с Шаммерингом, Кювье и др. признают волокнистую структуру мозга во многих его частях, тем не менее, еще не осмелились сказать, что это так во всех его частях”. — Т. i. 235.

[185] Мозжечок служит только для передвижения. (Смотрите первую статью этой работы.) Но я здесь излагаю мнение Галла.

[186] “Отдельные системы мозга заканчиваются волокнистыми разрастаниями, расположенными слоями, точно так же, как другие нервные системы расширяются волокнами на своих периферических концах”. — Т. i. 318. “Все расходящиеся пучки мозга, после того как они выходят из последнего аппарата подкрепления, расширяются слоями и образуют извилины”. — Т. i. 283. “Нервы ощущения и движения расширяются в коже и мышцах; нервы органов чувств, каждый во внешнем инструменте, к которому они принадлежат: например, мембрана гипофиза на костях носа; вкусовой нерв на языке и расширение зрительного нерва в сетчатке.... Природа подчиняется точно такому же закону в головном мозге. Разные части мозга возникают и укрепляются в разных точках; они образуют волокнистые пучки различных размеров, которые заканчиваются разрастаниями. Все эти расширения различных пучков образуют, будучи объединены, полушария головного мозга”. — Т. iii. стр. 3.

Я здесь говорю только о *расходящихся волокнах*. Идя изнутри, они направляются вовне: *сходящиеся волокна*, идущие извне, то есть, согласно Галлу, из серого вещества, которое окружает мозг и мозжечок, направлены вовнутрь. Первые составляют *извилины*, в то время как вторые составляют *спайки*. Но в дальнейшем я вернусь к этой теме.

[187] Смотрите мою работу "Об инстинкте и интеллекте животных" и с. стр. 46, 2-я правка.

[188] Opus citat. p. 49.

[189] Т. iii. стр. 64.

[190] Т. iii. стр. 64.

[191] T. iii. стр. 64.

[192] T. iii. стр. 58.

[193] T. iii. стр. 59.

[194] T. i., стр. 3.

[195] T. i., стр. 18.

[196] T. i. стр. 64 и 67.

[197] De la Rech. de la Verité, liv. ii. chap. ii.

[198] Там же.

[199] Там же.

[200] Du bel esprit, p. 80.

[201] Там же.

[202] Cours de Phrén. 218.

[203] С. 221.

[204] См. M. Leuret: Anat. Сост. по системе. Nerv. и ок. 1839.

[205] Cours de Phrén. p. 350.

[206] Там же. стр. 117.

[207] De l'Irritation et de la Folie, p. 2.

[208] Там же. стр. 76.

[209] Стено уже говорил: "Если мозговое вещество повсюду волокнистое, как на самом деле кажется в большинстве частей, вы должны признать, что удаление этих волокон должно быть организовано с большим мастерством, поскольку от них зависит все разнообразие наших чувств и движений. Мы удивляемся искусству волокон в каждой мышце, но насколько больше они заслуживают восхищения в мозге, где эти волокна, заключенные в столь маленьком пространстве, выполняют каждое свою функцию без путаницы и беспорядка". — *Беседы с Анатом. du cerveau*, 1668.

[210] Задолго до него то же самое видели Мистичелли, Пурфур дю Пети, Уинслоу и некоторые другие, но об этом забыли. "Каждое пирамидальное тело, " говорит Пурфур дю Пети, " разделено в своей нижней части на два больших пучка волокон, чаще всего на три, а в некоторых случаях и на четыре. Те, кто справа, переходят на левую сторону, а те, кто слева, переходят на правую сторону, смешиваясь друг с другом". — *Письмо "Единой медицины королевских семей"*. Намюр, 1710 год.